

К. ЗИГАНШИН

БОЦМАН

ИЛИ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ РЫСИ

ПОВЕСТЬ

Издание пятое, переработанное

ПРЕСТИЖ БУК
МОСКВА • 2019

ББК 84-44 (2 Рос)
УДК 821.161.3-93
З 59

Зиганшин, К.Ф.
З 59 **Боцман или история жизни рыси : Повесть / Камиль**
Зиганшин. — 5-е изд., перераб. М. : Престиж Бук, 2019. —
84 с., илл.

ISBN 978-5-371-00709-4

Повести Камиля Зиганшина об обитателях тайги покоряют своей искренностью, знанием повадок и характеров «братьев наших меньших».

Идя навстречу многочисленным пожеланиям, издательство с большим удовольствием переиздает эти полюбившиеся читателям произведения.

Любите природу и ее обитателей — вот лейтмотив всех книг Зиганшина.

ББК 84-44 (2 Рос)
УДК 821.161.3-93

ISBN 978-5-371-00709-4

© Зиганшин К.Ф., 2019
© Шефер О.К., иллюстрации, 2019
© ООО «Престиж Бук», 2019

«Братья, образумьтесь!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Изящные косули, спасаясь от вьедливых кровососов, легкими скачками взбирались по каменистым уступам на гору. Они искали продуваемую площадку для ночевки. Внизу тускло серебрились в отсветах дотлевавшего заката пенные бороды речных порогов.

Одна из террас, поросшая кустиками голубики, приглянулась старой оленухе. Косули остановились, осмотрелись, процеживая трепетными ноздрями струйки воздуха. Убедившись, что опасности нет, первым улегся беспечный молодой. Матка, поджав под себя ноги, легла последней.

Пережевывая бесконечную жвачку, животные то и дело настораживали длинные уши, вслушиваясь в таинственные шорохи. Однако усталые веки все чаще прикрывали выразительные глаза. Вскоре табунок чутко спал.

Рослый, мощного сложения самец рыси, прозванный окрестными звероловами за пышные бакенбарды на щеках Боцманом, давно наблюдал за оленями и теперь бесшумной тенью скользил по склону.

Кот уже примерялся к прыжку, как вдруг лапами ощутил необычное подрагивание горы и услышал

нарастающий гул. Косули вскочили, заметались по площадке с тревожным, сиплым блеянием.

То ли порыв ветра, то ли всеокрушающее время подточили зыбкое равновесие: чудом державшаяся на вершине гребня отрога каменная громада качнулась и покатилась вниз, дробясь о скальные лбы, увлекая за собой новые глыбы вперемежку со срезанными стволами деревьев.

Боцман шарахнулся было в сторону, но край лавины зацепил его и увлек вслед за окровавленной тушей оленухи...

Камнепад, дымясь серым облаком пыли, достиг подножия горы, и, слизнув прибрежную черемуху, затих оцетинившимся валом на середине реки.

Полуживой, оглушенный кот, придавленный лесиной к груди обвальнoй мешанины, лежал, не имея возможности пошевелиться, — даже вдох причинял острую боль. Под ним многоголосо шумел речной поток...

Подутро речная долина за клубилась быстро густеющим туманом, и волнистая мгла поглотила все вокруг. Но когда, наконец, ближе к полудню расплывчатым пятном робко обозначилось солнце, просочившееся тепло растревожило, всколыхнуло молочную толщу, и промозглая муть зашевелилась, поползла мохнатыми космами по лесистым склонам, тая на глазах. Вскоре солнечные лучи начисто вымели долину.

Припекало. Временами к израненному зверю возвращалось сознание, и тогда начинала мучить жажда. Вода по-прежнему шумела прямо под ним, но была недосыгаема. Вечерняя прохлада только усилила страдания — на запах крови отовсюду со звоном

слетались полчища комаров и мошки. Кот оказался погребенным под этой шелестящей крылатой массой. Тысячи безжалостных хоботков протискивались сквозь густую шерсть и впивались в него. И без того измочаленное камнями тело превратилось в сгусток пронзительной боли и жгучей чесотки.

Задыхаясь от набившихся в нос и пасть насекомых, Боцман заходился в приступах раздражающего кашля. Ему еще повезло, что язык обвала вынес его на середину продуваемой ветерком реки: в сыром прибрежном лесу сосущей твари куда больше.

Взошедшее светило поубавило кровососов, однако на смену им появились мухи. Они садились на разрывы кожи и подолгу копошились в них, откладывая яйца. На следующие сутки раны побелели от шевелящихся личинок. Выедая подрагивающие волокна мышц, прожорливые червячки проникали в тело все глубже и глубже. Самые жестокие мучения причиняли личинки, раскормившиеся на расшибленном носу. Щекоча до сумасшествия, они вереницей заползали в ноздри, образуя там живой кляп. Измученный кот все реже приходил в себя. В небе выжидающе парили стервятники — коршуны.

...К исходу третьего дня долину накрыли черногрудые тучи. На ходу созревая, они обрушили на кота потоки живительной влаги. Прохладные струйки дождя принесли некоторое облегчение. Пленник, молча преодолевая боль, вывернул голову вбок и в таком неудобном положении жадно ловил драгоценные капли.

Дождь шел всю ночь и все утро. Река вздулась, забурилась. Валуны, уступая ее напору, со скрежетом

поползли по неподатливому каменистому дну. Высокие буруны уже лизали коту задние лапы. Ужас подступавшей смерти охватил припечатанного к камням пленника.

Вершина ненавистной лесины всплывала вместе с прибывающей водой, и ее тяжелый комель все сильнее плющил грудную клетку. Боцман уже почти испустил дух, когда лесину вдруг развернуло, и она, вытягиваясь по течению, свезла его с камней на быстрину. Поток подхватил полуживого зверя и понес, то загоняя в пучину, то вышвыривая между коряг и ошкуренных стволов. Давясь и отфыркиваясь, кот ловил редкие мгновения для вдоха.

Впереди показался скалистый прижим с черными сотами промоин. Бедолагу несло прямо на отбойное место, туда, где река бесновалась в мощных водоворотах. Один из них захватил рысь и, прокрутив с десятков раз, затянул в заполненный водой карман. Теряя сознание, кот отчаянно заскреб острыми когтями по отполированным стенкам и, зацепившись за удачно подвернувшуюся выемку, сумел выбраться на пологий уступ внутри полузатопленного грота.

Долго не мог отдышаться истерзанный зверь. Через полчаса прибывающая вода вновь настигла его и заставила отползти повыше. Здесь Боцман принялся, время от времени впадая в дрему, вылизывать раны шершавым мускулистым языком. Зализав, осмотрелся: в конце мрачного мешка угадывался манящий свет.

Рысь приподнялась и, с трудом переставляя непослушные лапы, побрела по узкому ходу. Тьма с каж-

дым шагом становилась все прозрачней, и вскоре Боцман вышел на дно конусообразного провала.

Над ним неумолчно шумела промытая, посвежевшая тайга. Ветер, стряхивая последние капли, уносил взлохмаченные пласты низких туч за гребень отрога. В голубые разрывы хлынули веером золотистые снопы.

Жмурясь от света, рысь долго грелась и обсыхала на солнышке. Затем подкрепилась сновавшими в траве мышами и вновь принялась вылизывать гноящиеся, горящие пульсирующей болью раны.

Выбравшись из провала, повинуюсь инстинкту, кот направился к примечательному овражку. Его вытянутое изголовье покрывали роднички с вонючей водой и жирным целебным илом. Грязевые ванны не замедлили сказаться: язвы и раны быстро затягивались нежной кожицей.

Добывал пропитание Боцман тут же, неподалеку от источника. Поначалу довольствовался пташками и мышами. А на третий день ему крупно повезло. Сопровождая взглядом промятый в податливом грунте свежий след, он заметил копошащуюся в кустах енотовидную собаку. Внезапно появившись перед ней, кот так напугал мохнатую толстуху, что та на какое-то время оцепенела. Придя в себя, попыталась бежать, но неловко оступилась на осклизкой колодине и завалилась на бок. Покорившись судьбе, енот сжался в ком, смиренно ожидая смерти...

Отправившись вечером к месту удачной охоты полакомиться остатками добычи, Боцман наткнулся на убежище еще одного енота. Но тот настолько глубоко забился в отнорок между узловатых, бугрис-

тых корней тополя, что стал недостижим для довольно крупного кота. Боцман не растерялся и принялся разрывать землю сверху. Чтобы добраться до своей жертвы, ему пришлось вырыть целый котлован. Когда извлекал дрожащую енотовидную собаку, то обнаружил там еще и вторую — поменьше.

Коту, чтобы насытиться, и одной лишнего было, но он терпеть не мог этих плодовитых чужаков, недавно объявившихся в его владениях, и беспощадно давил их на своей территории.

Уже через неделю Боцман преобразился, обрел присущий ему лоск. Надо сказать, что он был редким великаном среди сородичей и в то же время быстрым, как ветер. В его облике особенно выделялась округлая, короткомордая голова с пушистыми и очень длинными бакенбардами. Слегка вздернутая после схватки с молодым медведем верхняя губа, щетинистые усы и вертикальные темные полосы у переносицы придавали ему свирепое выражение, несколько смягчаемое кокетливыми кисточками черных волос на кончиках подвижных ушей

и светлой каймой вокруг бронзово-желтых глаз. В их мерцающем блеске угадывалась дикая и независимая натура.

Мягкий, густо-палевый с серебристым отливом, мех украшал рассыпанный по всему телу бурый крап. Передвигался он на длинных, сильных ногах легко и грациозно, но, главное, совершенно бесшумно, что вместе с острым зрением, молниеносной реакцией и острейшими когтями обеспечивало ему неизменный успех в охоте.

Пестрым потоком текла таежная жизнь. Мелькали дни, недели, месяцы. То сытые, то голодные, то солнечные, то пасмурные. Незаметно пришло время долгих ночей, породившее трескучие морозы.

Стылыми, звездными ночами Боцман бродил по лесистым отрогам в поисках пропитания, а с восходом солнца выбирал тихое защищенное от ветров место с хорошим обзором и дремал под почти негревшими лучами светила.

Как-то на исходе зимы, когда удлиняющиеся солнечные дни вдохнули первый трепет жизни в оцепеневший в спячке лес и южный берег реки оброс тоненькими сосульками, Боцман застал возле недоодеженного им беляка кошку с густыми кисточками на ушах. Возмущенный кот резко зафыркал, что означало: «Как смеешь! Мое!»

Кисточка пригнула голову и отползла. Всем своим видом она как бы говорила: «Я, конечно, виновата. Но я так голодна!»

Боцман еще поворчал для порядка, но гнев его, постепенно слабея, вскоре и вовсе улетучился. Не

спеша отрывая куски мяса, он то и дело с интересом поглядывал на незваную гостью. Насытившись, лег поодаль, милостиво разрешив Кисточке доестъ зайца. Случай свел их вовремя — наступала пора свадеб.

Любовные утехы настроили кота на беспечный лад, и когда ветер донес со дна долины чуть различимый звук, похожий на крик человека, он лишь ненадолго наострил уши. Млеющая в ожидании скорой весны тайга и безмятежный пересвист птах быстро заглушили тревогу. Да еще солнце, наконец, стряхнуло с себя прилипший клочок тучи и весело засверкало слепящим оком. Однако спутница заволновалась и задвигала ушами.

Ветер дул зверобоям в лицо, и имея деревья густой летний наряд, они еще долго продвигались бы незамеченными, но в зимней обнаженности Кисточ-

ка разглядела какое-то движение в просветах между стволов.

Наконец, насторожился и Боцман. Приглядев-шись, он увидел, как через разреженный прогал проскочили разношерстные собаки с крутыми ба-ранками хвостов и, молча рыская в подлеске, нача-ли подниматься в гору. Сами по себе собаки пугали не больше, чем годовалые волки, но Боцман знал, что в тайге за ними всегда следует человек с тускло блестящей палкой. Встревоженные кошки побежали вверх, держась крутых склонов.

Поднявшись на перевальную седловину, Боцман остановился, пропуская Кисточку. Отсюда он хорошо видел людей, карабкающихся за лайками на длин-ных «лапах». Сначала одного, потом второго, треть-его. В руках у каждого поблескивала та самая палка, которой кот страшился больше всего на свете. Он помнил: из них вылетает и впивается в тело острой болью гром, после чего из раны течет кровь и пропа-дают силы. Несмотря на то, что двуногие были еще далеко, это воспоминание подстегнуло Боцмана, и он поторопился за Кисточкой.

Тем временем свора вышла на их «горячий» след и, разразившись азартным лаем, ринулась в погоню. Кошки поначалу легко отрывались от преследовате-лей на своих мохнатых лапах-снегоступах, но непри-вычные к продолжительному бегу, быстро утомились.

Вязкие*, выносливые лайки постепенно сокраща-ли разделявшее их расстояние и гнали уже «по-зряче-

* *Вязкость* — свойство лайки упорно преследовать зверя или птицу.

му». Собаки теперь не лаяли, а распаленные видом беглецов, захлебываясь, рыдали от страсти. Боцман знал, что они, так же как и волки, не умеют лазать по деревьям. Ища спасения, он взлетел на огромную суковатую березу. Изрядно отставшая, задыхающаяся Кисточка, следуя его примеру, тоже взобралась на первое попавшееся дерево.

Набежавшая свора окружила затаившуюся в развилке кошку. Злобный лай зазвучал часто и иступленно. Он нес охотникам весть: «Зверь остановлен, поторопитесь».

Появление запаренных хозяев собаки встретили невообразимыми прыжками и яростным клацаньем клыков. Каждая из них стремилась убедить своего властелина в том, что именно она настигла и загнала свирепо шипящую добычу на развилку дерева, и заслуживает награду.

Бежавший впереди охотник с рыжей бородой во все лицо направил палку на Кисточку. Полыхнул язык пламени, грянул гром. Кошка взвыла от пронзившей грудь боли, рванулась было по стволу выше, но обмякшие лапы судорожно царапали пустоту — она летела вниз.

Боцман, увидев рыжебородого зверобоя, вскинувшего вороненую палку в их сторону, громадным прыжком сиганул на белую перину и под прикрытием густого пихтача ушел незамеченным. Иногда он оглядывался, надеясь увидеть бегущую Кисточку, но вслед неслись только удары грома. И невдомек было ему, что это добивали его подругу.

Удалившись на безопасное расстояние, кот залег в непролазном буреломе в ожидании спутницы, но

она так и не появилась. С наступлением ночи Боцман, покружив по лесу, вышел к тому месту, где их загнали на деревья, и застыл в немом ужасе.

Лунный свет озарял неестественно вывернутое тело Кисточки — без головы и шкуры. Обнаженные мышцы с желтоватыми отметинами подкожного жира уже прихватило морозом. Вокруг на истоптанном снегу валялись обслонявленные бумажные трубочки с едким запахом. Они были похожи на белых, с черными головками, червей.

Боцман несколько минут вглядывался в обезображенную подругу. Затем повернул голову в ту сторону, куда ушли люди и собаки. Кот не умел плакать, но его пылающие огнем глаза застлал влажный туман. Он смертельно возненавидел Рыжебородого, поднявшего на них громовую палку, и противную, тошнотворную вонь от белых «червей».

После гибели Кисточки Боцман сник. Всё вокруг казалось ему теперь враждебным и неприветливым. Отрешившись от всего, кот часами угрюмо лежал на снегу. Прежде он так и жил — одиноким, мрачным отшельником, а с Кисточкой успел оттаять, подобрать, привязаться к нежной спутнице. Но ее так быстро не стало...

Известно, время — лучший лекарь. Мало-помалу пробуждался интерес к жизни и у Боцмана.

В тайгу пришла весна. Из-под ужимающихся и оседающих под лучами потеплевшего солнца сугробов зазвенели ручьи. Облезли до черноты опушки. Покорствуя напору живительных соков, ветви кедра затопорщились розово-кремовыми свечками,

щедро припудренными белой пылью. В полдень разомлевший лес источал горьковато-смоляные запахи, от которых сладко кружилась голова.

Однажды после долгой прогулки по гребням кряжей притомившийся Боцман спустился к реке, полной предзакатной тишины, покоя и свежести. Вылизав языком взъерошенную ветвями шерсть и помыв лапами морду, он распластался на теплом стволе поваленной ольхи возле устья ручья, обозначенного широким полукружием разноцветной гальки. Отдыхая, блаженно жмурился от ласковых переливов нескончаемых водяных бликов.

Пойму заливал свет тлеющего заката. Чуть слышно прошелестела в траве гадюка. Она соскользнула по наклонной каменной плите в воду и, высоко подняв головку, поплыла на другой берег. Выбежал из кустов к реке горноста́й в бурой летней шубке и принялся жадно лакать воду.

Ни юркий зверек, ни Боцман не видели сквозь бликующую рябь темной спины тайменя. Речной великан живой торпедой пронесся под водой и, окатив берег крутой волной, тут же исчез. Вздрогнувший от неожиданности кот оторопело уставился на голый, мокрый речной валун, где только что стоял горноста́й...

Боцману уже изрядно приелась зайчатина, которой питался последние месяцы, и он решил побаловать себя олениной, но косули никак не попадались: после многоснежной зимы они стали крайне редки. Исходив окрестные распадки и горы, кот все же

высмотрел под скалой одного молоденького бычка. Подкрасться к нему из-за окружавших скалу курумников было невозможно — увидит издали и умчится, играючи, высокими прыжками-дугами.

Зная, что бычок рано или поздно обязательно пойдет к ручью на водопой, кот нашел узкий проход, который ему не миновать. Забравшись на дерево, затаился среди листвы на толстой ветке. Над головой что-то затрещало. Рысь невольно сжалась, но, подняв глаза, увидела падающий с вершины дерева полусгнивший сук — «ложная тревога», а на макушке зацокала белка.

Прошло часа четыре, а Боцман все еще терпеливо лежал в засаде. И вот, наконец, послышался едва уловимый стук копытец. Бычок шел осторожно — оберегал от веток молодые, еще покрытые опушенной кожей, вилообразные рожки с тремя небольшими отростками. Рысь стрелой сорвалась с дерева и, обрушившись всей своей массой на кирпично-ржавую спину косули, разом прокусила клыками позвонки. Бычок упал. Тут же попытался вскочить и, как обычно, умчаться легко и свободно, но только что полные сил мышцы не повиновались.

Полакомившись сочным, парным мясом, Боцман завалился на спину и, лениво разметав на траве лапы, стал кататься с боку на бок, то выгибаясь, то надолго замирая.

После обильной трапезы хотелось пить. Кот затащил остатки косули под буреломный отвал, почистил о сухостоину когти, с наслаждением потерся о бугристую кору и спустился, наконец, к горному ключу.

Заходя в воду, испугнул маленьких уток-чирков. Те улетели вниз по течению плотной, стремительной стайкой.

Утолив жажду, рысь укрылась от слепней под разлапистой елью. Нежась в ее прохладе, сытая и благодушная, она наблюдала, как вылетают из воды и с причмокиванием ловят насекомых шустрые хариусы, как по вороненой поверхности рассыпаются серебристыми молниями испуганные кем-то мальки. Внезапно откуда-то сверху легкой, прозрачной тенью соскользнула скопа. Слегка чиркнула по волнистой ряби переката, и в ее крючковатых когтях забилась, сверкая перламутром, нерасторопный хариусенок.

Но недолго Боцман пребывал в блаженном состоянии. С того места, где лежала косуля, послышался характерный шум: кто-то явно терзал недоеденную тушу.

Пришлый кот даже не соизволил поднять морды при появлении хозяина добычи, а только глянул исподлобья. Столь дерзкого поведения Боцман не мог стерпеть и яростно зашипел на наглеца. Тот в ответ разинул пасть, обнажив черные выкрошившиеся зубы.

Внимательно разглядев облезлого, с прогнувшейся спиной незнакомца, Боцман сообразил, что перед ним совершенно дряхлый старик.

Он хорошо знал закон тайги — прав сильнейший, но не мог унижить себя дракой с беззубым зверем. Он просто подошел к косуле с другой стороны, и коты, то и дело настороженно поглядывая друг на друга, потрапезничали. Вскоре пришелец насытился и, поблагодарив взглядом и подрагиванием хвоста, удалился, а хозяин примостился подремать на выворотне. В это

время к косуле приближался, привлеченный кровавым потаском*, медведь.

Услышав сквозь сон оглушительный хруст мозговых костей, Боцман поначалу только облизывался, но довольное урчание косолапотого разбудило его. В вспышке слепящего возмущения кот бесстрашно подскочил к грабителю и впился испепеляющим взглядом в крохотные медвежьи глазки. Напружинив лапы, он приготовился биться за свою добычу.

В ответ из широко разверзшейся пасти вырвались низкие громopodobные раскаты. Этот рев и мощные клиновидные клыки охладили праведный гнев кота: здравый смысл ему не был чужд. В бессильной ярости и обиде закружил он вокруг мародера, но, сознавая неоспоримое превосходство медведя в силе, отступил с притворным равнодушием, тем более что туго набитое брюхо не располагало к рискованной схватке.

Все лето Боцман провел в покое и достатке. Вольготная жизнь никем не нарушалась. Волки и медведи заставляли проявлять известную осторожность, но кот избегал лобовых столкновений. Впрочем, и те не искали встречи с ним. Каждый ходил своей дорогой, уважая права соседа.

В тайге лишь с людьми он никак не мог ужиться, но никогда не посягал на их интересы, а, завидев, первым уступал дорогу. Эти существа всегда были агрессивны и при каждом удобном случае выпускали из своих железных палок разящий гром, к счастью, без последствий для него.

* *Потаск* — в данном случае след от добычи, которую волокут по земле или снегу.

Правда, за лето кот ни разу не слышал и не видел их до той поры, пока не опали листья, а земля и деревья не укутались в белые одежды. Хотя молодой снег вскорости растаял, спокойная жизнь кончилась. Вновь по отрогам и распадкам потянуло дымом, забрежали злобные псы, загромыхали тускло блестящие палки. Только теперь Боцману показалось, что армия зверобоев и их верных прислужников — собак — стала еще многочисленней.

Умный кот мастерски ухитрялся не попадаться на глаза промысловикам, за что заслужил репутацию зверя-невидимки. В то же время, невзирая на печальный опыт, он не мог избавиться от присущего ему любопытства: люди манили его своей непостижимостью. По ночам Боцман спускался с гор то к одному, то к другому охотничьему логову. На подступах к ним он натыкался на мерзлые ободранные тушки, в основном соболей и резко пахнущих норок. Беличьих не было. (Их съедали собаки. Мясом же соболей и норок они брезговали.)

Любил он ходить и по лыжному следу: ему было интересно знать, что делают эти двуногие в его владениях. Кот изучил повадки промысловиков, а некоторых даже знал в лицо. Охотничьи ловушки и приманку возле них Боцман рассматривал издали, чуял, что они таят смерть. Случалось, в ловушке еще бился соболь или норка, реже колонок или горноста́й. Обессилен в бесплодных попытках освободиться, они через день-два коченели.

В один из таких обходов после легкой пороши, Боцман явственно уловил аппетитный запах. Неподалеку от лыжного следа под деревом парил в воз-

духе, слегка покачиваясь, здоровенный косой. Не доумению кота не было предела — чего это вдруг длинноухий кружится над снегом, словно птица? Ему не хотелось есть, но это его извечное любопытство...

Боцман прикинул — если встать на задние лапы, то до косога можно дотянуться. Мелкими семенящими шажками он приблизился к «летающему» зайцу и тут же отпрянул от внезапной боли: на левой передней лапе, повыше широкой ступни, сомкнулись железные челюсти.

Человек, поставивший капкан, был, конечно, искомленным в своем деле промысловиком, но он не учел, что Боцман намного превосходит силой своих собратьев. Уже через час капкан был сорван с поводка, и рысь на трех лапах бежала прочь от страшного места в сторону каменных россыпей, раскинувшихся под высокими скалистыми вершинами, туда, куда охотники и собаки никогда не заходили.

Ловушка с обрывком поводка крепко сидела на ноге, и ее тарелочка при каждом прыжке вызванивала о железную станину «тринь-дзинь, тринь-дзинь».

Добравшись до хаотичного нагромождения камней, Боцман залез в пустоту между угловатых глыб. Здесь, в относительной безопасности, потрясенный и измученный кот забылся тяжелым сном. К болезненной хватке железной пасти он притерпелся и спал на удивление долго. После сна происшедшее уже не казалось таким страшным, и кот вознамерился во что бы то ни стало избавиться от неудобной побрякушки — она саднила, а главное, мешала ходить и своим позвякиванием могла вспугнуть добычу.

Боцман сел, чтобы задними лапами стянуть дуги, зажавшие переднюю. Пока он пытался сесть, пружина капкана застряла между камней. Превозмогая боль, кот задергал лапой. Дуги, сдирая шкуру, медленно сползли, но, достигнув широкой ступни, застряли. Тогда сметливый зверь начал тянуть лапу на себя без рывков. Верхняя доля пружины, получив упор о камень, стала прижиматься к нижней, и чем сильнее тянул Боцман, тем слабее становилась стальная хватка. Наконец дуги раздвинулись настолько, что лапа выскользнула из тисков.

После этого рысь, чтобы не стать жертвой новых хитростей двуногих, удалилась на непосещаемый зверобоями голец, державно господствовавший над окрестными вершинами. Промышляя там куропа-ток, жила безбедно, несмотря на свирепые ветра и трескучие морозы.

Пониже беловерхой вершины, в ельниках, стекавших зеленой лавой по горным ложбинам, обитали маленькие безрогие олени — кабарожки. Коту порой удавалось полакомиться их суховатым, но нежным мясом.

Привыкнув к тому, что на Лысой горе снежный покров нарушается лишь следами крохотных копытца кабарги да набродами куропаток, Боцман был крайне удивлен, когда увидел округлые вмятины рысьих следов. Дня два назад кошка — а это была именно кошка! — прошла по гребню кряжа в сторону холмистой долины.

Кота охватила неясная, сладостная истома. Покинув было след, он вернулся обратно и пошел по нему, не останавливаясь, стремясь ступать точно в отпечатки лап самки. Прерывистая стежка привела на пологие увалы, где к ней присоединялись с разных сторон следы трех котов. В разгар ночи, по резким и страстным воплям, далеко слышным в тишине промороженной тайги, Боцман нашел всех четверых на лесистом скате. Разглядев изящную самку, он пришел в еще большее волнение.

Очаровательная кошечка в дымчато-серой шубке сразу определила в новичке достойного и надежного покровителя и сама подошла, не дожидаясь от него традиционных любезностей, сопутствующих церемониалу ухаживания. Прежние кавалеры увязались было за ней, но Киса резко обернулась и неприязненно зашипела на отвергнутых ухажеров.

Пара надолго удалилась в непролазную глухомань. Осчастливленный Боцман, будучи, вообще-то, весьма угрюмым существом, от избытка чувств, время от

времени издавал низкие протяжные вопли. Подруга вторила ему. Эти душераздирающие любовные арии, по всей видимости, доставляющие удовольствие самим исполнителям, заставляли замирать в страхе многих обитателей тайги.

Во время затяжной свадьбы к восхитительной Кисе не раз пытались приблизиться новые поклонники, но Боцман никого не подпускал. Для этого ему не было нужды вступать в драку: его размеры и свирепый взгляд отрезвляли претендентов в женихи лучше любой затрещины.

Лишь один длинноногий кот бурой масти, поскитавшись по распадкам и отрогам в безуспешных поисках самки, через неделю вернулся и разыскал любезничавшую парочку. В прежние годы у длинноногого Бурого при встрече с Боцманом начинала холодеть спина, но за прошедшее лето он изрядно заматерел, налился силой. И теперь, с вызовом глядя на соперника, пошел в атаку.

Боцман, вздернув короткий хвост и развернув наружу уши, приготовился дать отпор нахалу. Они встали друг против друга, перекатывая тугие бугры мышц. Распушив щетинистые усы, взгорбив спины, коты долго разогревали себя, нагоняя на противника страх утробным завыванием. Наконец стали сходитьсь. То делая выпад, то отскакивая, они с каждым разом сокращали расстояние. Внезапно, словно сговорившись, сцепились в яростно ревуший шар, а через несколько секунд так же быстро распались на отдельные, непримиримо шипящие половины.

Первый натиск ошеломил отвыкшего от сопротивления Боцмана и пробудил в нем настоящую злость.

Обменявшись ударами, они вновь сплелись и закрутились многолапым колесом, безжалостно раздирая шкуры друг друга когтями.

Во время передышки Боцман оправился раньше и нанес по голове соперника сокрушительный удар лапой. И тут же, не давая Бурому прийти в себя, полоснул когтями по чувствительному носу. Не стерпев адской боли, длинноногий кинулся наутек, роняя на снег клочья выдранной шерсти и алые горошины крови. Такой немилосердной трепки он ни разу не получал.

Конец зимы выдался снежным, пуржистым; весна — стылой, затяжной. Киса готовилась к окоту, а в тайге повсюду еще лежал сквасившийся, крупнозернистый снег. Ходила кошка осторожно и мало. Больше лежала у входа в низкую расселину и прислушивалась к толкотне котят, рвущихся из тесной материнской утробы на волю. Они временами так буйствовали, что живот бугрился от ударов крохотных, но уже сильных лапок.

Боцман, не покинувший после любовных утех подругу, заботу о пропитании взял на себя. Оставив Кису в логове, он отправился на очередную охоту. Дул тугой порывистый ветер. Ничто не говорило о весне. Только сугробы осели, да вокруг стволов протаяли ямистые лунки.

Идя наискосок ветру, кот приняховался к многослойному потоку запахов. Наконец он уловил то, что его интересовало: одна из струек принесла восхитительный аромат молодой лосихи.

Недолгие поиски привели его в непролазный ольшаник, на окраине которого виднелся свежий сугроб, обрамленный сухими листьями и обрывками травы. Еще два шага, и из выбитого копытами углубления показалась бурая спина, кончики ушей.

Дремлет, не подозревает о смертельной опасности лосиха: шум ветра заглушал шорох крадущихся шагов рыси. Длинный, упругий прыжок, и Боцман сваливается на жертву, как снег на голову. Запустив страшные когти в загривок и бока, он вонзил клыки в шею. Густая, жесткая шерсть и толстая кожа помешали ему сразу добраться до становой жилы и шейных позвонков.

Лосиха выметнулась из убежища и, протаранив грудью заросли тальника, выбежала на ноздреватый лед. Мотая головой, она кинулась к полынье на перекате. Сиганув в нее, опрокинулась на спину в расчете подтопить кота. Забурлила, вспенилась студеная вода, заскрежетала под ними галька.

Хлынувшая в пасть и нос вода заставила Боцмана разомкнуть клыки. Лосиха вскочила на ноги. Громыкнув копытами по валунам, выпрыгнула на лед и помчалась вниз по руслу. Из глубоко прокушенной шеи хлестала пульсирующими струйками кровь. Достойно защищалась она и вышла победителем, но вместе с кровью покидали молодое тело силы. Все мельче шаг. И вот лосиха взорвалась дивным прыжком и, издав громкий, почти медвежий рев, упала на лед замертво.

Боцман вылизал испачканную шубу и подошел к лосихе. Налакавшись дымящейся крови, он привел к мясу Кису. Знатная добыча надолго избавила

супружескую чету от хлопот о пропитании. Тем не менее Боцман, как образцовый семьянин, через неделю опять отправился на охоту, чтобы побаловать Кису свежениной. Подкараулив беляка, он заспешил к хозяйке.

Подходя к логову, кот услышал писк. «Это еще что за гости?» Приглядевшись, Боцман различил копошащиеся между лап супруги крохотные комочки. Киса осторожно освободилась от них и жадно набросилась на теплую зайчатину. Малыши, а их было трое, без матери забеспокоились и завозились, неуклюже выпутываясь из переплетения лап, голов и коротких хвостиков.

Утолив голод, Киса подошла к Боцману и долго терлась лбом о заросшую бакенбардами щеку, выражая благодарность и безмерное материнское счастье, переполнявшее ее.

Крохотные наследники, необыкновенная нежность Кисы побуждали Боцмана к неутомимой охоте. Как-то принеся в зубах еще живого беляка, он оставил его на площадке перед входом в расселину. Косой, пытаясь бежать, временами брыкался. Под-

росшие котята в детских, пока почти белых шубках, разминая длинные нескладные ноги, с восторженным урчанием выбежали и закрутились вокруг пытающейся уползти добычи. Блестящие глазенки рысят впервые загорелись огнем настоящих хищников, но тут совсем некстати полил дождь. Холодные капли остудили воинственный пыл юных охотников, и они отступили в убежище.

Боцман накрыл продрогших детенышей мохнатыми лапами. Котята согрелись и задремали. Однако ненадолго — быстро пустеющие желудки побудили их перебраться под бок матери, каждый к своему излюбленному соску.

Сытость и тепло вновь пробудили в них желание порезвиться. Снаружи все крапал дождь. В таких случаях котята взбирались на отца, чье громадное туловище являло собой великолепную игровую площадку. Они прыгали, ползали, скакали по нему, с яростью трепали, а Боцман переносил потехи мелюзги с родительской снисходительностью.

Однако непогода разыгралась не на шутку. Холодный дождь лил почти беспрерывно, не выпуская на охоту трое суток. У Кисы молока становилось все меньше. Котята не наедались. Открывая розовые пасти, они жалобно хныкали, терзали ее, прося добавки, но соски были пустыми. Мать нервничала и, тыкаясь в Боцмана носом, побуждала его идти на промысел.

Тот и сам понимал, что ждать окончания дождя больше нельзя, и выбрался под текучую завесу. Кроме небесной капли его орошала и капель с почерневших ветвей пропитанного влагой леса. Шерсть

моментально намочла. Слившись, она так плотно облегла тело, что Боцман выглядел голым. Деревья до сих пор не выпустили лист. Казалось, все живое в тайге вымерло. Пробежав всю ночь по угольям в поисках прокорма, усталый кот, пошатываясь, возвращался к логову.

Киса издали разглядела сквозь дождевую муть своего верного друга. Его унылый вид говорил сам за себя.

Наконец сплошной войлок туч истончился, разошелся широкими голубыми разводами, открыв, впервые за весну, истомившееся в заточении солнце. Оно щедро залило теплыми брызгами озябшие деревья и кусты. Тайга на глазах оживала.

Боцман с Кисой, задерганные требовательными воплями ослабевших котят, вышли на охоту вдвоем. Вскоре им повезло: задавили костлявого беляка. Киса тут же на месте слопала его почти целиком и поспешила к голодным детенышам.

Доев остатки, кот последовал за ней. К его удивлению, супруга не кормила потомство, а нервно металась перед входом в расселину. С надеждой глянув на Боцмана, она опять исчезла в логове. Но тут же выскочила обратно и заметалась по площадке между кустов. Встревоженный отец заполз в убежище. Котят там не было. Не веря своим глазам, он обшарил лапой все углы, но напрасно — рысята исчезли. Бедные родители обегали все окрестности, но не обнаружили ни единого следа, хоть как-то объяснявшего пропажу.

Многоопытный Боцман знал, что после таяния старого снега и до появления нового, молодого, охот-

ники исчезают из тайги. Несколько месяцев ее обитатели живут спокойно. Обладатели железных палок словно давали возможность вырастить потомство. И тем не менее он был склонен винить в пропаже детенышей именно людей.

У кошек не хватило сообразительности по одиночному перу беркута на площадке и клетку на дальней скале догадаться об истинном виновнике исчезновения котят. А дело было так.

Оголодавшая, так же как и кошки, за долгое ненастье чета беркутов вылетела из гнезда в поисках корма для своих прожорливых птенцов. Паря над тайгой, беркут-отец издали заметил греющихся на солнышке котят. Он еще долго кружил в небе над пятачком перед логовом, пока не уверился по поведению несмышленишей, что они одни, без охраны родительских клыков. Беркут камнем пал на рысят, поразив когтистыми лапами двоих и убив ударом клюва третьего.

Безрадостно протекало лето. Киса, особенно первые недели, слышав звуки, даже отдаленно напоминающие голоса котят, очертя голову бросалась на поиски, а никого не найдя, подолгу с отсутствующим видом сидела на земле, сутуло вобрав в плечи округлую голову. Ничто не интересовало ее в такие часы. Если Боцман настаивал, она послушно брела за ним, участвовала в охотах, но все это без желания и присущего ей прежде азарта.

Когда поздней осенью свора собак обнаружила их, Киса впервые не подчинилась Боцману и не последовала за ним в крутобокие сопки. Почти сразу,

как слышала погоню, вскарабкалась на первое попавшееся дерево и равнодушно наблюдала за бесновавшимися внизу псами. Подоспевшие охотники почему-то не стали выпускать разящий гром, а подвели к ней на длинном шесте петлю из жесткой капроновой веревки и, улучив момент, затащили ее на передней лапе. Затем сдернули шипящую кошку на чуть припорошенную снегом землю, накинули сверху толстое ватное одеяло и, удерживая рогулинами, туго спеленали.

Боцман ночью спустился с горных отрогов и, не найдя подруги, по следам звероловов к утру вышел на окраину леса, обрывавшегося в сотне метров от береговой линии. Дальше, за рекой, на пологом увале виднелись безликие в предрассветной мгле жилища людей.

Оставаясь под прикрытием деревьев, кот послал призывной клич и через мгновение услышал в ответ радостный горловой вопль Кисы. Он доносился из середины первого ряда домов, примыкавших огородами и банями к реке. Обмениваясь резким вяканием, кошки вконец переполошили деревенских псов, и Боцман счел благоразумным не распалать их дальше. Тем более, что теперь он знал, где искать подругу.

Возвращаясь в горы, он невольно прислушивался к звукам, доносившимся из селения. Собаки угомонились: изредка взбреднет одна, другая, одиноко просипит бык, подаст трескучий голос петух. И опять тишина. Терзаемый противоречивыми чувствами, Боцман замедлил шаг и скоро остановился в нерешительности.

Привязанность к подруге, желание увидеть и освободить ее бередили сердце, подавляя инстинкт самосохранения. Наконец он решился и повернул обратно, навстречу восходящему солнцу.

Шагал Боцман размахисто, без страха; сильное, неведомое ранее чувство наполняло уверенностью его сердце. Житель глухой тайги, он избегал открытых пространств. На них он чувствовал себя незащищенным. Но сейчас кот отважно вышел на высокий чистый берег и, не таясь, доступный людским взорам, встал, как изваяние, отчетливо выделяясь на фоне белого снега. Боцман понимал, что его видно из селения, но был в таком состоянии, когда совершаются необыкновенные и необъяснимые поступки. Он насилу преодолевал желание немедленно идти к месту заточения Кисы.

Баба Галя спустилась к проруби за водой. Заполнив ведра, подняла голову и... увидела перед собой громадную рысь. Бросив коромысло, она опрометью пустилась бежать голося: «Ой мамочки! Спасите! Спасите!»

Вскоре переполошенная деревня во всю гомонила о коварной рыси, которая напала на бабу Галю, но то ли промахнулась, то ли та успела надеть ей на голову ведро. Главное, баба Галя, слава Богу, жива, а рысь осталась голодной и караулит на речке новую жертву.

Кто посмелее, особенно мальчишки, ходили ватагой за огороды и глазели на дерзкого разбойника, стоящего на противоположном берегу реки с высоко поднятой головой.

Охотники с лайками уже неделю как разъехались по участкам — начался промысловый сезон. Охра-

нять деревню остались одни бестолковые дворняги. Перепуганные бабки направились к местному зверолову Ивану Михайловичу Карпенко. Но его дома не оказалось — уехал в лесничество созваниваться с областной базой «Зооцентра», чтобы заказать машину для отправки пойманной рыси.

Когда женщины выходили из его избы, с реки донеслось громкое и резкое «Вау-у». Киса в ответ радостно и мощно откликнулась из сарая. Заскочив обратно в сени, бабье излило свой испуг и застарелое недовольство на хозяйку дома.

— Вот ловит твой рысей, медвежат, волчат, а звери-то, вишь, какие наглые в отместку стали. Ни за водой сходить, ни детям покататься. Прошлый год медведица допекала, а ноне рысь...

— Занятие ваше нам всем на погибель, — добавила высокая старуха, — штраф на вас надо за такое.

— Оно верно, штрафом надо проучать, — охотно поддержали остальные.

— А ну вас к ляду, — отмахнулась хозяйка и ушла кормить скотину.

— Вот и толкуй с такой. Пошли, бабоньки, к Егору, он стрельнет, не промахнется.

— Че без толку ходить, небось уж пьяный.

— Чай не каждый день пьет.

— Точно, пьяный — с утра тетеревов Афанасьевне нес на мен.

— Да, это уж такой человек...

Тем временем мужики, незанятые на промысле или забросившие это тяжелое и рискованное занятие,

кто по возрасту, кто по здоровью, собрались у сельпо и решали, как быть.

— Эх, карабинчик бы!

— Так его только штатным* выдают, да и то не всем.

— И из гладкостволки усиленным зарядом можно достать, — убеждали другие.

Так и порешили: приготовить ружья и через час всем вместе собраться здесь же.

— Но чтоб без собак — котяра сразу уйдет. И стрелять разом, по команде. Кто-нибудь да попадет, — инструктировал бывалый дед Тимофей.

Смертельная опасность нависла над Боцманом. Он видел, как очередная ватага направилась через огороды к реке. Его насторожило то, что у каждого из них в руках была громовая палка. Старики между тем вышли на обрывистый берег и стали целиться в рысь. Встревоженный кот, не оглядываясь, потрусил под защиту деревьев. Вокруг коротко прогудели шмели, и ступни ощутили резкие удары по промерзшей земле. Следом прокатились раскаты грома.

Боцман обернулся и успел даже разглядеть стрелков, окутанных клубами серо-желтого дыма, как в тот же миг его прожгла сквозная боль. Преодолевая ее, он огромными махами попытался достичь спасительно черневшего пихтача, но, не дотянув каких-то пять-шесть сажень, рухнул в снег.

* *Штатным* — охотникам-профессионалам.

Мужики, постреляв для верности еще, перешли речку и окружили зверя. Вытянувшийся в последнем прыжке во весь рост, он казался особенно громадным.

— Так это ж Боцман и есть. Отбегал наш великан, — не то с удовлетворением, не то с сожалением произнес дед Тимофей.

Восхищенно оглядывая богатую шубу и пробуя пальцами остроту кривых, стальной прочности когтей, удачливые охотники задымили.

Самый старый в их компании дедушка Антон присел на корточки и, кряхтя, стал искать, куда угодила пуля.

— Навылет прошла, — заключил он и, отгибая шерсть, продемонстрировал кровоточащие с двух сторон раны.

— Ой, че это?! Мужики, тихо! Кажись, сердце тукает. Во-во. Еще раз. Так он живой!

Охотники вскинули ружья.

— Антон, отойди! Очухается, задерет когтищами. Отойди, тебе говорят. Не дай Бог заденет.

— Да погодите. Совестно как-то... И хорош больно! Жалко красоту такую кончать. Давайте к Карпенко свезем. Можга, выходит, да сдаст на свою звериную базу. Глядишь, денежка у нас появится, и городские нашим Боцманом полюбуются.

— Кончай канитель поповскую разводить. Добить и точка!

Тут донеслись звонкие голоса:

— Ну что, убили?

К охотникам бежали запыхавшиеся пацаны.

— Ого, мировой котяра!

Антон, воспользовавшись заминкой, снял ремень с ружья и туго обмотал задние лапы рыси. Мужикам ничего не оставалось, как помочь связать и передние.

— Ребя, давай живо сани...

Лежа в теплом, рубленом сарае на душистом сене, Боцман ощутил легкое поглаживание. Вслед по шкуре пробежал приятный озноб. Почудилось, будто рядом сидит Киса и ластится. Кот заурчал и попытался сладко потянуться, но тело откликнулось острой болью. Боцман открыл глаза. Кто-то темный сидел перед ним.

Человек!!!

Волна блаженства сменилась волной леденящего страха. Боцман дернулся, пытаясь вскочить, но не смог: лапы были стянуты ремнями. Но даже не будь их, ослабленный большой потерей крови, он все равно не встал бы. От ощущения полной беспомощности кота обуял ужас. Оскалив зубы и грозно зарокотав, он исподлобья следил за каждым движением человека.

— Не бойся, дурачок, — успокаивал густой басовитый голос. — На, поешь... Тебе надо есть, иначе не поправишься, — человек протянул нанизанный на прутик кусок мяса. Чтобы не стеснять зверя, он отодвинулся, и Боцман смог разглядеть двуногого. Ничем непримечательный. Скорее даже невзрачный. Только на лице, обрамленном мшистой рамкой бороды, украшенной легкой проседью, выделялся длинный, крючковатый, похожий на клюв хищной птицы, нос. Но это сходство не придавало его лицу выражения враждебности. Напротив — делало доб-

родушным. Ни одним движением человек не обнаруживал намерения причинить зло или боль.

— Ешь, ешь, дружок, ешь, — с этими словами Крючконос осторожно приподнялся и, мягко ступая, вышел.

Боцман внимательно огляделся. Он лежал в бревенчатом логове с крохотным оконцем. Терпко пахло навозом. За дощатой перегородкой протяжно и шумно вздыхали корова и телка. Они, привычные к часто меняющимся грозным соседям, не обращали на рысь внимания: то и дело шуршали сеном в кормушке, постукивали копытами.

Повернув голову, кот чуть не уткнулся мордой в куски мяса, лежащие на доске. В горле першило от сухоты. Он осторожно взял было соблазнительный шмат в зубы, но недоверие к человеку победило: в последний момент раскрыл пасть и мясо упало на подстилку.

С двуногими существами Боцман связывал только боль и смерть. Поэтому был несколько обескуражен поведением Крючконоса, но не сомневался в том, что и он скоро проявит свое коварство. От томительного ожидания смерти к вечеру его трясло, как в лихорадке. Нервы и мускулы вибрировали, словно туго натянутые струны. Ослабленный перенапряжением и потерей крови, кот в конце концов забылся в тревожной дреме, так и не притронувшись к мясу.

Переделав домашние дела, Михалыч заглянул к пленнику. Увидев, что мясо не тронут, укоризненно покачал головой.

— Ну, брат, эдак дело не пойдет. Так ты никогда не поднимешься. Надо, милоч, поесть, обязательно надо поесть, — и опять настойчиво протянул мясо на кончике ветки.

Человек долго сидел с Боцманом. Говорил успокаивающим, завораживающим голосом, уверенно гладил по спине. Потом смазал раны на груди чем-то прохладным, пахнущим грязью таежной лечебницы. И опять этот странный человек не причинил ему боли. Напротив, его прикосновения были приятны.

Ночью, когда беспрестанное хлопанье дверей и другие непонятные звуки стихли, Боцман с горечью вспоминал события последних дней. Разве он мог предположить, что все в одночасье переменится и он окажется во власти человека.

Силы покидали кота. Если бы на него сейчас накинулась собачья свора или взял на мушку не знающий промаха зверобой, он даже не попытался бы бежать, а равнодушно принял смерть.

Внезапно совсем рядом раздался призывный горловой вопль. У Боцмана даже дух занялся. Не может быть! Это же Киса! Кот откликнулся ликующим — «Вау!»

Подруга отозвалась не менее восторженно. От их переключки во дворе поднялся злобный лай, и рыси, дабы прекратить собачью брехню, умолкли.

У Боцмана запело в груди: «Киса жива! Она где-то рядом». Но он так слаб, что не может не только прийти к ней на выручку, но даже самостоятельно встать на ноги. Надо срочно набираться сил!

Глаза приободrivшегося узника засветились надеждой. Он жадно съел сочную мякоть и с того вечера живо пошел на поправку.

Боцман привык к Крючконосy и уже не напрягался, когда тот заходил кормить или обрабатывать раны: они болели все меньше. Огонь и жжение внутри почти исчезли. Кот опять мог дышать полной грудью. Изредка они с Кисой обменивались приглушенным вяканием, встречаемым яростным лаем собак и тревожным кудахтаньем кур.

В один из дней хозяйские псы, воспользовавшись тем, что дверь, по недосмотру, осталась открытой, проникли в сарай и набросились на связанного кота. Но Крючконос сердитыми окриками выгнал их, а особенно разбушевавшегося кобеля посадил на цепь.

Кот был поражен — человек не только не позволил собакам растерзать его, а, наоборот, — защитил от заклятых врагов. Он тщетно пытался разгадать эту загадку, но она оказалась ему не под силу. С этого момента Боцман окончательно поверил Крючконосy, и отношение к людям у него перестало быть столь однозначным, как прежде. Он по-своему разделил людей на «добрых», вроде Крючконоса, и «злых», вроде Рыжебородого, убившего Кисточку.

Понятливые лайки после хозяйской взбучки крепко усвоили, что рыси на их подворье — особы неприкосновенные. Но тем не менее не упустили случая порычать на кошек исподтишка.

Наконец, пришло время, когда Боцман поднялся на ноги.

— Замечательно! Какой ты молодец! — похвалил Крючконос. Лицо зверолова светилось неподдельной радостью. — Еще немного отъешься, и повезу тебя и твою подругу в город.

На дне холодных и бесстрастных для несведущего человека рысьих глаз Михалыч уловил отклик понимания.

Зверолов успел привязаться к Боцману. Много зверей прошло через его руки, но такого умницы он еще не встречал. Постоянно и подолгу разговаривая с ним, Михалыч чувствовал, как приоткрывается какая-то таинственная заслонка, и кот начинает понимать смысл его слов и жестов. А когда зверолов после трехдневной отлучки зашел в сарай проведать подопечного, то был удивлен тем, с какой демонстративной обидой отвернул от него голову кот.

Человек снял с лап рыси путы. Поколебавшись немного, удлинил толстый брезентовый ремень, привязанный к сыромятному ошейнику. Эта удавка Боцману не нравилась, и он не единожды пытался стянуть ее, но всякий раз безуспешно. К ремню же притерпелся и даже не кусал его, тем более что острые клыки лишь протыкали брезент насквозь: грызть подобно волку или собаке рыси не умеют.

Пошел четырнадцатый день заточения. Кот совершенно оправился от ран и вновь обрел грозный вид. Хорошая форма подопечного радовала Михалыча: пора было заняться отловом соболей, но он не мог уйти в тайгу, пока не сдаст рысей. Оставлять же их под присмотром жены зверолов побаивался — все-таки хищники, мало ли что... Да и мяса на них не напасешься.

Зообаза с вывозом что-то медлила. Зверолов нервничал. Наконец пришла радиограмма. Из ее текста явствовало, что машина будет через день, но без клеток. Михалыч, поругивая далекое начальство, не мешкая отправился на пилораму договариваться насчет досок. Он торопился еще и потому, что надо было успеть зарезать бычка и, воспользовавшись оказией, оптом сдать мясо в городскую столовую.

Вечером жена сообщила ему, что из тайги вышел Потап — его двоюродный брат. Жил он через дом, и зверолов решил сходить, чтобы узнать, не случилось ли что — вышел-то он во внеурочное время. Обычно охотники появлялись в деревне лишь под самый Новый год, да и то дня на два — четыре.

Пока одевался, в дверь постучали, и в избу ввалился упредивший его Потап. Огненно-рыжая борода промысловика засияла при электрическом свете, словно хорошо надраенный медный котел.

— Братан, покажь котяру. Старик говорит, самого Боцмана повязали.

Вооружившись фонариками, мужики вошли в сарай. Рысь под бесцеремонным прицелом слепящих «глаз» отвернула морду и угрожающе заворчала.

— Ну, хватит, Потап. Посмотрел — пошли.

— Сдавать будешь?

— Да, послезавтра приедут.

Не попрощавшись, Потап зашагал к калитке. Крючконос недоуменным взглядом проводил его, а спохватившись, крикнул вдогонку:

— Чего из тайги так рано? Случилось что?

— Да так, дела, — неопределенно отмахнулся тот.

На следующий день Михалыч с конюхом привезли с пилорамы на санях большой щелястый ящик, сбитый из пахнущих смолой золотистых досок. Набросали в него сена и, не закрывая дверку, подтащили вплотную к сараю, в котором томилаась Киса.

— Иди, иди, — негромко скомандовал ей зверолов.

Кошка послушно перешла в клетку. Удивленный конюх не удержался:

— Эва! Разрази меня гром! Как это ты таку власть заимел?

— Через ласку. Ежели принуждать, силой гнуть, зверь только злобится.

Клетку закрыли, передвинули по снегу к сараю, в котором держали Боцмана, и оставили там. Зверолов, жалея любимца, не стал перегонять его в холодный, тесный ящик до прихода машины. Тем более что процедура эта не должна отнять много времени — Боцман наверняка сам забежит к подруге. Главное, не дать Кисе выскочить из клетки. Для этого Михалыч приготовил и тут же примерил, вставляя в щели между досок на разной высоте, несколько жердей.

Когда он занимался этим, хлопнула калитка, и подошли два соседских мужика. Боцман слышал, как вывели из хлева бычка, как он коротко взревел, и вскоре по двору загулял запах горячей крови, парного мяса. Крючконос на бегу заглянул к нему и бросил теплой свеженины.

Калитка захлопала чаще. Раздавались все новые и новые голоса, теперь большей частью женские. Кот прислушивался к оживлению с нарастающей тревогой, но, как ни силился, не мог связать воедино значение происходящих событий.

Из дома между тем полились приятные переливчатые звуки. Это деревенский музыкант заиграл на гармошке. Рысь впервые слышала музыку. Она ласкала слух и завораживала даже сильнее, чем говор Крючконоса.

Потом в доме затопали, красиво, многоголосо завыли. Кто-то вышел на улицу, остановился у клетки с Кисой.

— У, зверюга! — человек смачно сплюнул. — Не мне ты попалась! Где тут твой недобитый кавалер?

Дверь к Боцману приоткрылась. С шипением вспыхнул огонек, и кот увидел рыжебородое лицо убийцы Кисы. Пахнуло едким запахом белых, с черной головкой «червей». Этот запах-воспоминание перекошил морду Боцмана гримасой ненависти. Кот ощерился, издал громогласное «Ваа-у-уу!» Обнажившиеся клыки блеснули, словно стальные пики.

При виде разъяренного дьявола мужество мгновенно оставило пьяного Потапа или, как его за глаза звали деревенские, Жилу. Он пулей вылетел из сарая, схватил увесистый кол, подпиравший дверь клетки с Кисточкой, и, вернувшись обратно, жестоко отходил им привязанного Боцмана.

Полный мстительного упоения Рыжебородый вышел во двор и увидел... рысь. С воплем: «Оторвалась, спасайтесь!» — он влетел в избу. Там поднялся невообразимый гвалт. Перепуганный Жила, пуча глаза, выкрикивал что-то нечленораздельное. Его переспрашивали, но в шуме ничего нельзя было разобрать.

Боцман, обозленный унижением и чувством бессилия перед обидчиком, в ярости рвал ремень. Толстая брезентовая лента не поддавалась. Снова и снова

опрокидывала она кота на спину. Ошейник врезался в горло, перехватывал дыхание. Рванувшись с разгону в очередной раз, Боцман услышал треск и с лету ударился головой в стену. В следующее мгновение кот вскочил и сиганул в распахнутую дверь.

На поленнице дров он увидел Кису, отбивавшуюся от наседавших собак. Рассвирепевший Боцман сшиб с ног ближнюю, на ходу сомкнул челюсти на загривке следующей и, не обращая внимания на остальных, бросился с подругой через задворки к вздымавшемуся за рекой спасительному лесу. Не прошло и трех минут, как они оказались в родной стихии.

Ни собаки, ни хмельные хозяева не решились на ночную погоню. Высыпав во двор, они со страхом и примесью невольного восхищения, ахали и грозили кулаком в черноту ночи: «Ну, погоди, бестия!»

Забравшись высоко в горы, Боцман с Кисой, наконец, прилегли на снежную перину среди высоченных кедров. Тесно прижавшись друг к другу, они тихо уркали от счастья встречи и обретенной свободы. Им приветливо светила огромная, в темных вмятинах луна.

Отдохнув, рыси тщательно вылизались шершавыми языками. Потом долго с наслаждением купались в искристом, чистом снегу, избавляясь от запахов, напоминавших о плене. В завершение этой памятной ночи поймали прямо в снежной спальне тетерку и недурственно подкрепились. Какое это счастье — свобода!!!

В разгар промыслового сезона бригада звероловов вновь наткнулась на следы неразлучной пары.

Заслышав брехню лаек, рыси стронулись с лежки и пошли самыми непроходимыми кручами к истоку ручья. Но Михалыч, досконально изучивший рысьи повадки, все это предвидел. Он пустил по следу лишь трех собак и одного охотника, а сам с напарником и шестью собаками поджидал кошек на узком переходе, который им сложно миновать.

Расчеты бригадира оправдались. Рыси вышли чуть ниже места засады. Промысловики спустили зверовых псов. Разразившись громовым лаем, те вмиг окружили ошеломленных беглецов.

Боцман уже высматривал подходящее для спасения дерево, но, услышав крики людей, изменил свое намерение. Те быстро приближались. В одном из них глазастый кот узнал Крючконоса. Тот бежал с толстым одеялом чуть позади напарника.

В это время здоровенный кобель бросился на Кису, целясь прямо в горло. Боцман ринулся наперерез и едва успел подставить плечо. Опрокинув пса, он распорол когтями ему брюхо. Визжа от боли, собака покатила с кручи. Воспользовавшись заминкой, кот устрашающе шипящим комом пролетел сквозь свору и помчался огромными махами навстречу двуногим. Лайки кинулись за ним, и сметливая Киса припустила во весь дух в противоположную сторону.

Увидев летящую прямо на них огромную рысь, звероловы оторопели. Напарник Крючконоса вскинул ружье. Крючконос что-то крикнул ему, и громовая палка опустилась. Тем временем кот пронесся мимо побледневшего Крючконоса и скрылся в ельнике...

Бригадир окликнул лаек, но две самые азартные и отчаянные не подчинились и продолжили погоню.

Определив по лаю, что собак мало, Боцман затаился за выворотнем. Вымахнув преследователям навстречу, оторвал ухо одной и разодрал бок другой. Поджав хвосты, посрамленные псы пустились наутек.

К исходу дня Боцман разыскал Кису в горах. Они опять были вместе.

Все чаще владения неразлучной пары разрезали длинные следы «зимних ног» охотников, вынужденных в поисках более богатых соболями угодий забираться в тайгу все глубже и глубже. Кошки притерпелись к этим двойным, гладко накатанным канавкам, и иногда, особенно после обильных снегопадов, даже ходили по ним, хотя Боцман знал, что они могут таить смерть.

Однажды выйдя на место пересечения своей постоянной тропы с лыжной колеей, звери уловили соблазнительный запах рябчика, а вскоре увидели его самого, неподвижно сидящего на снегу. Боцману показалось, что от лыжни к птице ведут аккуратно присыпанные лунки. Эти намеки на след наполнили его сердце смутным предчувствием. Все говорило о том, что рябчика лучше не трогать, обойти стороной.

Кот дал понять о своих опасениях подруге, но ей нестерпимо хотелось есть, и она не устояла перед возможностью полакомиться белым мясом лесной курочки и мигом съела ее всю.

Несколько минут спустя по ее телу разлился и стал проникать во все органы жгучий огонь. Киса, тяжело дыша, присела. Эта перемена подтвердила предчувствия Боцмана. Он принялся нетерпеливо подталкивать подругу, побуждая ее быстрее покинуть подозри-

тельное место. Но бедняжка вдруг повалилась на снег и забилась в частых и резких судорогах. Напряженная спина прогнулась дугой. Невидимая чудовищная сила все загибалась и загибалась так, что позвоночник затрещал, и голова в конце концов коснулась хребта. Из пасти Кисы потянулись тягучие струйки слюны, зрачки глаз неестественно расширились, лапы мелко задрожали.

Кот с тревогой наблюдал за страданиями подруги, не представляя, чем ей помочь. В какой-то миг он заметил, что ее полный боли взор, устремленный до этого на него, как бы опрокинулся и стал погружаться вглубь широко раскрытых зрачков...

...Киса давно стихла, а Боцман все сидел рядом, все тыкался в ее плечо, тщетно пытаясь поднять. Когда тело кошки стало таким же холодным как снег, он, наконец, понял, что его спутница никогда уже больше не встанет. И он ушел... Один...

На снегу осталась лежать очередная жертва, принесенная «старшим братьям» для того, чтобы со временем украсить женские плечи красивой рысью накидкой.

Потеряв Кису, Боцман впал в состояние тупого отчаяния. Он ничего не ел — тоска убила в нем голод.

Через несколько дней он вернулся на то место, где оставил ее, но обнаружил там лишь ненавистных воюющих «червей».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Прошло четыре года. Все это время обладатель поседевших бакенбардов жил утрюмым отшельником. Впрочем, если бы он и пожелал обзавестись подругой, то не смог бы исполнить это желание по причине того, что все его соплеменницы за это время были либо отравлены, либо отловлены. Более того, Боцман остался вообще одним-единственным представителем своего вида в этом, совсем недавно богатом рысями крае.

От собак и охотников ему не стало житья. Тайга, казалось, была пронизана смертью. Одинокий, громадный кот сделался желанной добычей всех окрестных зверобоев.

Их профессиональное честолюбие будоражили легенды о подвигах знаменитого кота, о его дьявольской хитрости и изворотливости. Эта репутация была вполне заслуженной: частые стычки с промысловиками многому научили Боцмана.

Но более всего стремление добыть исполинского кота подогревалось тем, что рысьи шкуры вошли в моду и цена на них чрезвычайно выросла. А красивый окрас и рекордные размеры Боцмана сулили немалые барыши. Вездесущие скупщики забирались

в самые отдаленные деревушки и назначали баснословное вознаграждение.

К тому же любому охотнику лестно было заиметь и череп Боцмана. Величина отпечатков лап кота давала уверенность в получении за такой череп не только золотой медали на выставке охотничьих трофеев, но и побитие всех прежних рекордов.

Боцману, конечно, было невдомек, обладателем каких опасных достоинств является он, но то, что люди настойчиво добиваются его смерти, для него было очевидно — их жестокая воля неотступно преследовала его.

Постоянное напряжение развило его наблюдательность до совершенства, а великолепная память помогала не повторять ошибок. Благодаря этому ему удавалось оставлять с носом самых бывалых промысловиков.

Временами на Боцмана накатывала тоска по обществу себе подобных. Она нарастала, терзала сердце. И тогда кот, дабы заглушить муки одиночества, принимался вопить так, что обитатели окрестных гнезд и нор цепенели от ужаса.

Очередной сезон близился к завершению, но никто из зверобоев так и не смог вынуть из котомки и развернуть перед скупщиком роскошную шкуру Боцмана.

С приближением весны вместе со снегом таяли и надежды на знатную добычу. А тут еще случилась невиданная, затяжная оттепель. Надулись нежные пуховички на прибрежных ивах. Ледяная броня на набухшей реке разошлась в трещинах и стала пори-

стой, белой, как сахар. Похоже было, что лед тронется намного раньше срока.

В эти дни из самого центра прибыл в село лихой скупщик и назначил за шкуру рыси такую цену, что все аж присвистнули. Наиболее азартные и охочие до денег и обещанной выпивки зверобои решили объединиться и провести облаву артельно. Тому, кто добудет кота, половину цены, а остальное поровну на всех участников.

Обсудив, кто и где в последний раз видел следы рыси, определили район поиска, а в тайге по свежим отпечаткам на расквашенном снегу сузили его до одной столообразной, лесистой горы. Она тянулась перпендикулярно к реке и обрывалась в нее отвесной стеной.

Разбившись на пять групп, зверобои охватили гору вытянутым полукругом и, пересидев ночь в укромных ложбинах, в назначенный час стали подниматься по снежной хляби.

Боцман отдыхал на стволе поваленного кедра, когда дремотную тишину глухолесья нарушили сначала гортанные крики ворон, а затем внезапно возникший сплошной треск. Зародившись в глубине леса, он быстро приближался. Чуткое ухо уже различало сквозь него отдаленный лай опостылевших собак. Кот встрепенулся. Вскоре мимо пронеслось, круша все на своем пути, стадо лосей.

Лай приближался. Боцман тяжело вздохнул. За долгую зиму в нем успела накопиться усталость от этих вечных бегов. Эх, быстрее бы сошел снег! Тогда на несколько месяцев придет долгожданный покой. Но до этих времен еще надо дожить. Кот без лишней

суеты и паники размашисто припустил на противоположный склон.

Уходил спокойно, так как был уверен, что узкокопым псам по расквашенному снегу не настичь его. Но вскоре услышал встречный лай. Что делать?! Боцман побежал по косой с намерением найти проход у дальней оконечности горы. Однако и там уже мельтешили в просветах леса собаки, за ними люди.

Кот в смятении остановился. Один вырвавшийся вперед двуногий находился на расстоянии чуть более ста метров. Тренированный глаз охотника засек притаившуюся в кустах рысь, и он вскинул громовую палку. Боцман сразу признал стрелка — это был Рыжебородый. Быстрее прочь!

К отступлению оставался единственный путь — река, но как спуститься к ней по отвесной стене? В это время вокруг прожужжал густой рой смертоносных «ос». Две из них впились в тело, третья пробила левое ухо. Стреляй зверобой пульей — не сдобровать бы нашему коту, но Жила, не отличаясь меткостью, предпочитал бить снопом картечи. Однако в этот раз расстояние оказалось слишком велико для убойного выстрела. Две картечины все же достали кота, они застряли в мякоти, не причинив большого вреда.

Боцман затаился за стволом дерева. Что делать? Набатный лай и выстрелы приближались. Сейчас кольцо сомкнется и тогда...

Кот рванул изо всех сил к реке — своей последней надежде.

Большинство собак преследовало изрядно осточертевшего им кота уже по-зрячему. Они жаждали загнать его на дерево и отлаять как обычную дере-

венскую кошку, а когда подойдет хозяин и продырявит усатую морду, рвануть хоть разок крапчатый бок.

До обрыва коту оставалось совсем немного, когда не только сзади, но и слева, и справа стали выкатываться пестрыми комьями собаки с крутыми серпами хвостов. Увидев уходящую к реке рысь, крайние ринулись на перехват.

Боцман растерянно остановился — его лишали последнего шанса на спасение. Тайгу заливал лай сомкнувших кольцо собак. За их спинами громыхали выстрелы и слышались победные возгласы людей, свист пуль. Все, не уйти! Обложили намертво. Кот увидел свою смерть так ясно, что шерсть на загривке поднялась дыбом, но сдаваться было не в его правилах.

Выбирая удобную для боя позицию, он вскочил было на макушку протаявшего из под снега выворотня, лежащего у края глубокого провала, как вдруг, еще не понимая смысла своего безрассудства, неожиданно скатился вниз, обдираясь о сучья стволов, нагроможденных на крутых скатах, прямо к устью огромной воронки.

Лайки, порывисто дыша, обступили край провала и злоратно облаивали запертую в ловушке рысь.

Подбежавшие зверобои открыли стрельбу по светлым пятнам на дне воронки, пока кто-то не обдумил:

— Кончай палить — всю шкуру продырявим. Если жив еще и так никуда не денется.

Эти слова прозвучали сигналом. Все расслабились. Азарт спал. Охотники вдруг почувствовали, как устали и проголодались.

— Чаю бы попить — во рту пересохло, мочи нет, — произнес заросший щетиной Глеб.

— Да что чай?! Кота надо брать!

— Вот уж не скажи. Чай — вещь стоящая. Чай он живость дает. Подойдешь, бывало, с поклажей к горе. Посмотришь — ни в жисть не одолеть. Костерок наладишь, крепкого, запашистого заваришь, выпьешь кружку и взберешься на одном дыхании до самой верхотуры, — убедительно возразил самый пожилой из них Тихон.

— Верно говоришь. Коту теперича некуда деться. Не грех и чайком побаловаться, со вчерашнего на сухомятке.

Промысловики сноровисто развели костерок и, подвесив котелок со снегом, обменивались, как обычно, впечатлениями. Больше всех заливался рыжий Потап:

— Видали, как удачно я его зацепил! След сразу закровил. Знать, сильно — аж в яму свалился, окаянный. Сколько промышляю, а такой хитрющей твари не встречал. Ведь столько лет нас дурачил!

— Ну, ноне ему крышка!

— Все же жалко его, мужики. Как-то без рыси в тайге не того... Вроде как пресновато. Это все одно, что щи без капусты или баня без пара.

— Да народятся еще, али понавезут откуда, расселят, ежели нужный зверь...

Почаевничав, возбужденные предвкушением знатной добычи, охотники спустили на веревках по более чистому от валежин склону провала Потапа и Глеба.

Достигнув дна воронки, те долго и осторожно лазили, с ружьями наизготовку, по шатающимся

угловатым глыбам, заглядывали под них и наконец, чертыхаясь, поднялись с помощью поджидавших товарищей навверх.

— Ушла, гадина. Под камнями лаз. Из него дует, как из трубы. Похоже, где-то выход есть, — оправдываясь, бормотал Глеб. Потап же, ни слова не говоря, направился к береговой круче.

Боцман за это время уже проник по узкому каналу в сумрачный грот и в конце горловины увидел реку и подтопленный внешней водой противоположный берег. Внизу, в метре от края уступа, плыли, скрежеща по отполированному прижиму, разнокалиберные льдины.

Все правильно. Кота не обмануло смутно мелькнувшее воспоминание: это был тот самый провал, благодаря которому он спасся во время наводнения много лет назад.

Не теряя времени, рысь наметила подходящую льдину и, когда она поравнялась с черным зевом, спрыгнула на нее. Льдина, подхваченная отбойной стремниной, упруго качнулась и понеслась дальше.

Но что за резкий, дробный стук вокруг? Острый осколок льда больно ударил по нижней губе, и тут же сверху донесся выстрел. Оглянувшись, Боцман увидел на отвесной береговой круче человека с громовой палкой. Рыжебородый! Нигде нет от него спасения!

Не дожидаясь очередного выстрела, кот сиганул в студеный поток. Вода разошлась двумя искрящимися крыльями брызг. Боцман на пару секунд погрузился в изумрудную толщу, а вынырнув, поплыл рядом с льдиной.

Он еще несколько раз слышал резкие хлопки, булькающий посев по воде, щелчки по льду, но и они вскоре прекратились. Коченея, Боцман выбрался обратно на льдину и обернулся. Силуэт охотника мелькнул последний раз и исчез за надвинувшимся отрогом. Река, делая крутой поворот, несла Боцмана в теснину ущелья, где кота караулил каскад бесноватых порогов.

Долго они глумились над несчастным зверем: швыряли, вертели среди рева тысячи медведей. Оглушенный кот распластался на льдистой броне, намертво вцепившись в нее когтями-крючьями. Несколько раз льдину дыбило, окатывало мощными водяными валами. Но, видно, судьба решила и на этот раз пощадить кота: ревучий поток, наконец, прорезал гранитный кряж, и изрядно потрепанная «посудина» закачалась на стихшей воде. Ее то и дело проносило вблизи берега, и Боцман не раз уже порывался покинуть ненадежную льдину, но все не доставало смелости. Такая нерешительность чуть не стоила ему жизни.

На одном кривуне образовался многоярусный ледовый затор. Река с глухим ревом уходила под него, громоздя поверх все новые и новые куски льда. «Посудину» Боцмана несло прямо в центр затора. От резкого удара его льдина дрогнула и, подпираемая сзади другими, раскололась пополам. Еще миг, и Боцман навсегда исчез бы в бурлящей пучине, но он успел запрыгнуть на угловатую, подрагивающую от бешеного напора, плотину и, не задерживаясь, проскакал по напряженно вибрирующим обломкам на берег.

На земле кот зябко отряхнулся. Шатаясь от усталости, поднялся на мысок и повалился на сухой пяточок земли. «Неужели несчастья этого сумасшедшего дня остались позади, и теперь можно спокойно полежать?!» — наверное, думал счастливый беглец.

Боцману следовало, наверное, завопить, что есть мочи, дабы известить тайгу о своем невероятном спасении, но бедолага не то что вопля, даже стога не в состоянии был издать.

Ноющая боль в задней части тела напомнила о метком выстреле Рыжебородого. Вылизывая зад, Боцман обнаружил две ранки. «Ничего, бегать можно, а к боли притерплюсь», — примерно так оценил свое положение несокрушимый кот.

Опасаясь преследования, Боцман удалился в каменные дебри высоких гольцов. Здесь еще властвовали морозы, и чахлые деревья по утрам наряжались в густые шубы из искристого куржака.

Поскольку ни зайцы, ни косули не обитали в этих суровых местах, Боцману пришлось довольствоваться одними белыми куропатками. Но они, поначалу непуганные и доверчивые, с каждым днем становились все осторожней, и кот вскоре был вынужден откочевать на средний пояс гор.

Раны не заживали, наоборот, воспалились до такой степени, что задние ноги отказывались служить. Зверь с каждым днем хирел. Все свои несчастья раненый кот связывал с человеком и его паскудными прислужниками — собаками. Когда он вспоминал о них, в нем разгоралась жажда мести. Это по их милости он лишен радости настоящей охоты и сейчас

голодает, хотя повсюду прямо под носом бегают и летают желанная дичь — увы, она недоступна ему.

От скудной пищи Боцман стал похож на облезлую, запаршивевшую кошку. Ребра от худобы выпирали, словно согнутые весенним паводком ивовые прутья. Угловатый таз и острые лопатки горбами торчали из-под вытершейся шкуры. Молодецкие бакенбарды совсем обвисли и имели вид пожухлой травы. Пустой желудок разрывали болезненные спазмы.

Чувство голода временами было столь острым и нестерпимым, что кот принимался глотать кору и откусывать, словно заяц, верхушки веточек. Но не такая пища нужна была ему. Организм жаждал свежего мяса.

Иссохший, похожий на мумию, Боцман тем не менее и тут приспособился. Смирив гордыню, он стал неотступно следовать на безопасном расстоянии за добычливой стаей волков и перебиваться скудными объедками от их пиршеств.

Непредсказуемая погода преподнесла в разгар весны очередной сюрприз. Нежданно-негаданно воротилась зима. Сутки, не переставая, валил снег, задул северный ветер. Следом ударил мороз, да такой, что затрещали деревья.

Продрогший Боцман лежал у дочиста обглоданных остатков сохатого и, по-стариковски вздыхая, высматривал, откуда бы выковырнуть еще хоть одну ниточку мяса, как вдруг послышался короткий охотничий клич волчьей братии.

Переждав несколько часов, он поковылял туда, уверенный, что их охота увенчалась успехом. Так оно

и было, но, к несчастью, он ошибся в выборе маршрута и столкнулся нос к носу с самой стаей.

Волки давно обратили внимание на то, что за ними ходит рысь, и если при безуспешной охоте возвращались к недоеденной добыче, то всегда находили там круглые отпечатки рысьих лап и чисто выскобленные языком-теркой кости.

Серых, испытывавших к кошачьему племени вечную неприязнь, раздражала еще и назойливость побирушки. И вот представился удобный случай проучить нахала.

Пригнув головы, они молча обступили его. Вожак впился немигающим взглядом в зрачки рыси. Боцман не отвернулся, выдержал чутунный взгляд-натиск, чем еще сильнее озлобил матерого, и тот ринулся в атаку. Боцман попытался прорвать кольцо, но вожак в прыжке достал его и резанул клыками прямо по ранам. У кота от адской боли потемнело в глазах. Он опрокинулся на спину и приготовился потрошить острыми, как бритвы, когтями тугие животы обьевших волков, но те благоразумно отпрянули.

Страх смерти вернул Боцману силы. Неожиданно для стаи он перемахнул через разящие смрадным запахом пасти и пустился наутек. Но слабость тут же дала о себе знать: серые настигли его и сбили с ног. Переплетясь в разлапистый ком, они скатились в глубокую ложбину.

Свежевыпавший снег лежал там толстой, пухлой периной. Волки «утонули» в ней по самое брюхо и стали совершенно беспомощными. Боцман же на своих широких, мохнатых лапах-снегоступах проваливался лишь по колено. Воспользовавшись этим

преимуществом, он поспешно выбрался из ложбины и покинул территорию стаи.

Рано начавшаяся, но затянувшаяся весна, наконец-то, вступила в свои права. Снег второй раз сползал с южных склонов прямо на глазах. Вновь вспенились, загремели притихшие было речки. В каждом, даже самом крохотном распадке залопотали ручейки, проклюнулась и резко пошла в рост трава.

Больной кот безошибочно находил на сопках растения, помогающие ему восстановиться. Поедая их, он стал поправляться и набираться сил. Зарубцевавшиеся раны, правда, еще беспокоили, но уже не пульсирующей острой болью, а ноющими приступами.

Боцман опять охотился, не зная промаха. Точность прыжков и мощь его челюстей не оставляли намеченной жертве никаких надежд. Озлобленность отступала. Совсем недавно каждая его клетка требовала мщения за перенесенные страдания. Теперь это чувство вытеснялось наслаждением от вернувшихся сил и сопричастности к ликованию расцветавшей под лучами щедрого солнца тайги. Тем более что настала та благодатная пора, когда запах двуногих надолго выветривается из леса. Кот без опаски спустился с гор и поселился в долине Главной реки, где водились косули, да и зайцев здесь было заметно больше.

Конец весны и лето выдались засушливые. За две полные луны с раскаленных добела небес не упало ни единой капли. Опаленные листья безжизненно сворачивались и, сухо шелестя, облетали. Хлябистые

болотины превратились в крошащиеся под копытами оленей пустоши. Илистые речные заводи обнажились до дна и покрылись обжигающей коркой, изрезанной сеткой глубоких трещин. Горные ручьи иссякли. Их русла теперь напоминали неровно вымощенные желто-коричневыми валунами дорожки с вялой струйкой, сиротливо соединяющей блюдца теплой воды.

От зноя Боцман находил спасение в узком каменном развале, на дно которого солнце не заглядывало даже в полдень. Когда он в очередной раз отдыхал на полюбившейся шершавой плите, в отдалении возник шум. Кто-то, грузно перепрыгивая через преграды, бежал от реки в его сторону. Кот насторожился.

Вот мелькнул смутный силуэт, и в струях ветра он явственно учуял дурманящий запах крови.

Это был лось, раненный на берегу залива геологами, добравшимися и до этой глуши. Пуля «турбинка» разорвала ему легкие. Кровь хлестала из раны на мокрые от пота бока, клокотала в пробитой трахее.

Возбужденный Боцман затрусил по буро-красному следу в предвкушении поживы. Однако сохатый не собирался испускать дух. Он зашел в обмелевшую старицу и, жадно напившись, выбрался на другой берег. Здесь лег было в тени деревьев, но, увидев рысь, переплывавшую старицу, встал и, тяжело ступая, скрылся в хвойной чаще.

Боцман с досады отрывисто вякнул вдогонку и настырно продолжил преследование. След привел к скату высокой гряды. Лось попытался с ходу перевалить ее, но, поднявшись до середины, выдохся. Голова, увенчанная еще неокостеневшими лопатами

рогов, опускалась все ниже и ниже. Дышал лось с на-
тугой и прерывистым свистом. Быстро густеющая
в сухом воздухе кровь забивала легкие. Розовая пена
клочьями срывалась с губы. Бык, с усилием подняв
голову, поглядел мутнеющим взором на Бодмана,
словно прося его скорее прекратить жестокие муче-
ния. Наконец ноги подломились, таежный исполин
рухнул на камни...

От обильной еды утроба поджарого Боцмана туго растянулась. Кот забрался под навес из мохнатых еловых лап и, изнемогая от сытости, лежал там до тех пор, пока жажда не погнала его к старице.

Здесь, у самого берега, между подводных валунов чуть шевелилась еще одна ненасытная обжора — щука. Из ее пасти торчал хвост крупного налима: он был так велик, что щука сумела заглотить его лишь наполовину.

Боцман приблизился к щуке почти вплотную, но она, скованная непомерной добычей, не смогла сдвинуться с места. Кот есть кот. Несмотря на сытость, он не устоял перед соблазном отведать двойного рыбного деликатеса. Утолив жажду, лениво побултыхался в старице. Вода, благодаря родниковой подпитке, была достаточно холодной и хорошо освежила.

В сытом блаженстве он не придавал значения тому, что запах дыма, витавший в тайге уже несколько дней, к вечеру заметно погустел. Из-за гор медленно выползала сизая пелена. Но не один Боцман был так беспечен. Ведь для многих зверей сушь принесла облегчение уже тем, что избавила от кровососов. Теперь можно было в любое время суток спокойно пастьись либо принимать водные ванны. Благо, река широкая, глубокая, и ей не страшен даже длительный зной. А то, что высохли до трещин илистые заводи и болотины, только на пользу — они-то и были главными рассадниками комаров и мошкары.

Беда пришла ночью, когда объевшийся Боцман, изменив кошачьей повадке бродяжничать под луной, крепко спал.

Отблески приближающегося пожара запылали на побагровевшем небосводе. Дым тянулся по долине и быстро заполнял ее пределы, ограниченные справа и слева горными кряжами. В зловещих отсветах зарева летели птицы, неслись к реке потоком разномастные, но одинаково перепуганные, взъерошенные звери. Сквозь топот множества копыт доносился отдаленный гул пламени.

Наконец, стена слепящего огня одолела последний увал и, как туго наполненный парус, понеслась по долине наискосок от пристанища Боцмана.

Кот, спавший под шатровым навесом ветвей ели, наконец, почувствовал неладное и открыл глаза. Мимо пронесся черной молнией подпаленный заяц. Высунувшись из-под зеленой кровли, Боцман вмиг сообразил, что и ему надо бежать со всех ног. Только куда? Где спасение?

Огонь, освещающая дорогу факелами смолистых крон, с треском катился по левому берегу старицы, оставив еловый массив на правой стороне, где находилась рысь, нетронутым. Горячий ветер обжигает волной спешил впереди огня, прокаливая деревья и покусывая хвосты замешкавшихся зверей. Те, достигнув реки, без промедления бросались в воду и плыли, сносимые сильным течением, на другой берег. Часть животных, не умеющих плавать, металась по галечнику или стояла в мелководье. Хищники не обращали внимания на потенциальную добычу — страх смерти и общая беда примирила всех.

Ветер тем временем сменил направление. Колеблющийся фронт огненного вала, взметая на устрашающую высоту горящие сучья, куски корчащейся

от жара коры, перекинулся через суженье старицы на правую половину елового массива и покатился вдоль подножья гряды прямо на Боцмана. Нашпигованный раскаленными угольками огненный вихрь поразительно быстро запустил в ельник жадные, всепожирательные щупальца. Одно из них, догнав рысь, бесследно слизнуло кисточки на ушах и подпалило спину. Обезумевший Боцман забрался под обрыв, где наткнулся на барсучью нору и в ужасе забился в самую дальнюю камеру.

Пожар, охватив всю правую сторону долины, рвался теперь через реку. Но, к счастью, ни одна искра не пережила полета через водную преграду и не достигла левобережной тайги.

Ткнувшись в широкую ленту воды, пламя злобно затрещало в худосочном ивняке. Быстро таяла, пожирая саму себя, языкастая стена. Вот уже синие сполохи забежали по россыпям углей. Жар, медленно уходя вглубь, накидывал на землю серое покрывало. Река, усыпанная пеплом, подхватила удушливый запах гари и понесла его вниз к пенистым шиверам*.

Не скоро Боцман высунул морду из горячей норы. Вместо непролазной, спелой тайги перед ним простиралась безжизненная, дымящаяся, черная пустошь, утыканная уродливыми скелетами деревьев. Ни на земле, ни в небе не было ни единого живого создания. Ветер тоскливо завывал в изъеденных огнем стволах. От угольных громад тополей все еще отдавало жаром.

* *Шивера* — каменистый пережат на реке.

Прокопченный прибрежный ивняк, словно ажурный забор, делил округу на две части: выгоревший до черноты погост с одной стороны и изумрудную чашу за рекой с другой. Кот, внимательно выбирая место, куда поставить лапу, пошел к берегу, но иногда все равно наступал на тлеющие изнутри головешки и обжигал подушки лап. Путь к реке стал настоящей пыткой.

Зато переплыв на не тронутый пожаром берег, Боцман забрался в скалы, где, наконец, смог остудиться от жара «взбесившегося солнца».

Дождавшись темноты, Боцман отправился по долине ключа на прогулку. Пройдя от устья шагов двести, уперся в едва заметную даже вблизи преграду — туго натянутую капроновую сеть. Перегораживая весь распадок, она оставляла узкий проход лишь возле довольно крутого склона.

Кот надолго замер, прислушиваясь и принюхиваясь. Решив, что опасности нет, осторожно шмыгнул в открытый проход. Но не успел он сделать и трех шагов, как сбоку громыхнуло, и его оглушил удар по голове. Когда Боцман пришел в себя, почуял в воздухе запах пороховой гари. Опять эти люди! И летом не стало спасения от них.

Его спасло то, что самострел настораживался в расчете на часто проходивших здесь оленей. Пуля лишь скользнула по затылку, срезав полоску кожи.

Медленно накапливающаяся усталость от постоянного, назойливого преследования человеком должна была, в конце концов, вылиться либо в беспощадную месть, либо в поиск недоступной для людей глухомани. Покладистый, уравновешенный Боцман выбрал второй путь и двинулся на северо-

восток, в лесные дебри, не тронутые опустошительными пожарами.

Пройдя морщинистое нагорье и перевалив через безжизненную громаду Главного хребта, Боцман начал спускаться по серым сланцевым уступам высокой гряды в неведомый доселе край. Кота давно мучила жажда, и, наконец, он услышал шум падающей воды.

Мощный ключ бугристым фонтаном бил прямо из щели между скальными плитами. Пробежав совсем немного, вода плавленным серебром срывалась вниз и летела в сиянии радужной пыли, медленно разделяясь в воздухе на сверкающие гроздья.

Налакавшись прозрачной, как слеза, воды, рысь спустилась в обширную маристую равнину, обрамленную зубцами далеких гор, и сразу попала в заросли травы, такие густые и высокие, что они скрыли крупного кота целиком. Пройдя их, он углубился в тесную, перестойную чащу. Процеженные густыми ветвями пучки солнечных лучей едва освещали проходы между сучкастых стволов елей и пихт, обвешанных косматыми бородами лишайника.

В этом непроницаемом, насыщенном влагой лесу царил мертвая тишина. Застоявшийся воздух был насквозь пропитан гнилостными испарениями. На земле повсюду валялись трухлявые стволы, обомшелые сучья. Между ними поблескивали черные оконца затхлой воды.

Расступившись, чащоба открыла болотистую марь с густой сетью озерков, разделенных мшистыми перемычками. По ним Боцман добрался до небольшой лесистой гривки. Здесь, на открытых пятачках, под-

сушенный мох хрупко проминался, и лапы утопали в нем, словно в только что выпавшей пороше.

Кот все шел и шел к неведомой цели, обходя по гривкам вязкие трясины. Редкий зверь заходил сюда — каждый неверно сделанный шаг сулил стать последним: бездонная топь цепко хватала и засасывала неосторожных в свою утробу. А если кто и забредал в эти гиблые, бесприютные места, то старался как можно быстрее уйти в горы.

Боцман, упорно придерживаясь выбранного направления, поднялся на очередную гривку и с нее увидел за широкой марью массив высоких белоснежных останцев. На их склонах контрастно зеленели вкрапления леса.

В центре торжественно возвышалась главная и когда-то, должно быть, весьма высокая гора, распавшаяся со временем на несколько близко стоящих столбов причудливой формы. Перейдя марь, Боцман решил обследовать иссеченные временем скалы.

На покато́м приступке у одной из них он обнаружил покосившееся бревенчатое логово людей, укрытое от посторонних взоров дремавшими на солнцепеке разлапистыми кедрами. Плоская земляная крыша топорщилась опрятными елочками, запустившими корни в толстые, полуистлевшие плахи перекрытия. В углу над тем местом, где когда-то была печь или очаг, крыша и вовсе провалилась. Стены обросли мшистым ковром, особенно густым понизу. Из оконного проема настороженно выглядывала чахлая березка.

Между бронзовых стволов были перекинута́ по черневшие от времени жерди. С одной из них свиса-

ли на ржавых цепях железки, очень похожие на ту, что однажды вцепилась ему в лапу. От легкого ветерка они раскачивались и тягуче позванивали. Возле покосившейся двери белели остатки скелета собаки.

Из логова шел приятный, но незнакомый запах. Он смущал, тревожил Боцмана, и хотя его разбирало любопытство, интуиция подсказала, что от этого места ему надо держаться подальше. Постояв немного, кот покинул становище людей и стал подниматься по лесистому проему, который разделял известковые столбы на две группы. Откуда-то сверху, прыгая по камням, вызванивал ручеек. На деревьях виднелись заплывшие задиры. Кот принял их за медвежьи метки, но это были старые затесы, сделанные топором.

Изъеденные ветрами и дождями белые столбы имели многочисленные уступы, карнизы, тесные проходы, которые рыси обожают и лазают по ним с особым удовольствием. Запрыгнув на огромный ребристый обломок, Боцман перебрался на узкий карниз, змеей опоясывающий самый внушительный столб-башню. Поднимаясь по нему, он вышел на небольшую террасу, покрытую белыми валунами и скудными пучками жесткой травы. Тут же, под скальным козырьком, похожим на загнутое крыло, чернел лаз. Войдя в него, кот оказался в сухой пещере. Ее дно устлала невесть как попавшие сюда листья, мох. Справа возвышался настил из грубо обтесанных плах с грудой шкур вверх. Слева в нише стояли черные доски, тускло мерцавшие в полумраке золотистыми мазками. Из глубины пещеры шел, всегда таящий угрозу, запах железа. Чтобы не искушать судьбу, Боцман вернулся

на террасу и, прыгая с уступа на уступ, взобрался на столбообразную вершину.

Вокруг нее толпились столбы пониже. Некоторые остrokонечные, некоторые уступчатые, а большинство с плоскими, словно срезанными, макушками. Дальше простирались поля топких марей с зеркалами болотин. А еще дальше — цепи синих гор. Где-то за ними осталось поселение ненавистных ему охотников. Боцман вздохнул свободно, всей грудью.

Новое пристанище, надежно защищенное от людей самой природой, было тем, к чему так упорно шел он как бы по подсказке из глубины поколений. Довольный кот растянулся на камнях подремать. Упрямая складка на лбу расправилась, на морде заблуждало подобие улыбки.

Несколько дней ушло на обследование новых владений. Боцман убедился, что здесь он не пропадет — дичь была в изобилии.

Кот перестал бродяжничать и все время держался Белых скал. Утолив за время ночной охоты голод, он забирался на неприступные столбы и часами лежал там, сладко жмурясь на припеке.

Неумолимое время торопливо отсчитывало: день-ночь, день-ночь... Лето хирело. Деревья тронула кисть осени. Следом ударили заморозки. Трава пожухла, покрылась желтизной. Полетели, закружились листья-парашютики. Нежно-зеленые облака, окутывавшие немногочисленные здесь лиственницы, порыжели и быстро гасли на ветру.

Все эти перемены породили беспокойство: опять приближалась та снежная пора, когда тайга заполня-

ется охотниками, с утра до вечера гремят выстрелы, надрываются собаки.

Кот опасался, что и бревенчатое логово под скалой недолго будет пустовать. Он не знал, да и не мог знать о том, что покой Белых скал защищают не столько топкие и непролазные дебри — они зимой не преграда, сколько дурная слава, прочно закрепившаяся за этим местом с незапамятных времен.

Людская молва гласила, что в этих скалах обитают злые духи, охраняемые кровожадной стаей волков-оборотней. В награду за верную службу духи заманивают в скалы путников и отдают их на растерзание оборотням. Поэтому даже бывалые охотники остерегались сюда забредать.

Как-то, уже после первого снега, Боцмана, отдохавшего на скале, разбудил громовой рев. Встревоженный кот подполз к краю площадки. Внизу у ручейка, выбегавшего из родниковой чаши, он увидел дерущихся медведей, не поделивших берлогу.

На арену боя, черным пятном выделяющуюся на сияющей белизне снежного покрова, даже сейчас, в самом начале баталии, страшно было взглянуть: земля изрыта, камни выворочены, деревца переломаны.

Битва была упорной. Исполины сошлись в непримиримой схватке: грозно рявкали, не размыкая могучих объятий, рвали друг друга клыками и когтями, но ни один не желал уступить. Наконец, более крупный оттолкнул от себя соперника, и тот распростерся на снегу с разорванным горлом.

Взъерошенный победитель устало сел и, озабоченно склонив голову, стал прижимать передними лапами что-то переливчато-блестящее к животу. Боцман

не сразу понял смысл этих странных манипуляций, но, наконец, разглядел, что медведь заправляет в разорванное брюхо вывалившиеся кишки.

Огромный зверь жалобно охал, но, пересиливая боль, мужественно продолжал эту процедуру. Потом завалился на бок и весь день лежал так в ожидании смерти. Берлога осталась пустой...

Девятнадцатая для Боцмана зима пересекла границу самой длинной ночи, и настала пора сильных морозов. Густая зимняя шуба и даром доставшееся медвежье мясо позволяли коту и в это суровое время жить справно.

За месяцы, проведенные в Белых скалах, кот забыл свои прежние страхи и беды и медленно выходил из

постоянно напряженного состояния. Ограниченные пределы каменного острова теперь уже не устраивали его. Он стал иногда выходить на мари, забираясь с каждой вылазкой все дальше и дальше. Благо топи промерзли, а буреломы занесло снегом.

Наконец, настал день, когда след ночного бродяги достиг складчатых отрогов, за которыми дыбились изрезанные ущельями горы.

Легко поднявшись на первый предгорный увал, он остановился пораженный: перед ним тянулась бесконечная двойная колея — след зимних ног человека.

Настороженно прислушиваясь, кот окинул взглядом тайгу: спокойно кормится на березе стайка рябчиков; весело шныряет сойка. Ничто не говорило о близости двуногих.

Боцман помнил, как легко и приятно ходить по плотно накатанной колее: снег на ней не проминается и не рассыпается, но он не забыл, какую смертельную опасность может таить эта коварная тропа, и несмотря на усталость, благоразумно перепрыгнул через лыжню и пошел дальше по целине.

Не обнаружив в горах ничего примечательного, он повернул обратно. Когда в другом месте приблизился к парному следу, то чуть не наступил на белого «червя» с вонючей черной головкой. Так же пахло возле ободранной охотниками Кисточки! От этого воспоминания приглушенная и, казалось, забытая ненависть к людям ожила и вновь зашевелилась в сердце Боцмана.

Он пошел вдоль следа и вскоре увидел большую снежную кочку с куском мяса в углублении. Кот знал,

что это западня и поспешил удалиться. С гребня увала он услышал резкие удары. Они неслись со стороны ключа. Подойдя поближе, разглядел логово двуногих. Боцман затаился и стал наблюдать. Вот дверь распахнулась, и показался человек. Спускаясь к ключу, он скрылся из виду. Когда же вновь появился изпод берегового обрыва с охапкой дров, изумлению Боцмана не было предела — он узнал своего заклятого врага — Рыжебородого. Того самого, кто убил Кисточку, жестоко избил его самого. Волна ярости, нарастая с каждой минутой, обуяла рысь.

Рыжебородый еще несколько раз выходил и уходил обратно в логово. Потом из трубы с напором повалили клубы дыма. Боцман тем временем углядел свернувшегося под большим навесом черного, с белыми пятнами, пса и вознамерился прикончить его, но опыт подсказывал, что сейчас не лучшее время для исполнения этой затеи: месть лучше вершить в метель, скрывающую все следы.

Путано-петляющим следом он вернулся в Белые скалы и не покидал их, пока внутренний барометр не подал сигнал: ночью будет снегопад!

Когда Боцман подобрался к стану промысловика, уже стемнело, а на тайгу обрушились первые снежные заряды. Над логовом метались в дыму недолговечные «красные мухи». Собака лежала на своем месте и, казалось, спала. Но как только кот подкрался на расстояние прыжка, она приподняла морду, и их взгляды скрестились. Пес оглушительно залаял, хлопнула дверь, гроыхнул выстрел.

Перепуганный Боцман поспешил раствориться в белой кутерьме. Происшедшее не обескуражило

его. Оно еще раз напомнило, что успех сопутствует терпеливым.

В следующий визит кот был осмотрительней и выжидал подходящего момента, зарывшись в снег до глубокой ночи. Неслышно ступая опушенными густой, жесткой шерстью лапами, он невидимой тенью приблизился к собаке вплотную. На этот раз она даже не успела испустить предсмертный вопль.

Утром хозяин долго звал, искал пса, пока не обнаружил его застывшего под толщей обильно выпавшего снега. Тридцать лет охотился Жила, но вот так прямо у зимовья лайку задавили у него впервые.

«В жизни всякое случается, — рассудил он. — Но почему не съели?» — шевельнулась в голове беспокойная мысль.

Прошло дней десять, и у Боцмана вновь появилось желание досадить Рыжебородому. Теперь он положил глаз на строение, возвышавшееся поодаль от стоянки на четырех гладких столбах. Оно напоминало логово охотника, только было раза в три меньше.

Кот попытался взобраться туда по столбу, но безуспешно — мешала жестяная «юбка» в его верхней части. Остальные три столба тоже были опоясаны тонким металлом. Боцман не растерялся — залез на стоящее поблизости дерево, прошел по ветке и спрыгнул прямо на крышу лабаза. Затем, найдя сбоку прогал, протиснулся внутрь.

Все это время его дразнил и будоражил запах, заставлявший забыть всякую осмотрительность: откуда пахло ненавистными лисами. Найдя их, Боцман

с остервенением набросился и разодрал в клочья рыжие шубы с пышными хвостами. Затем та же участь постигла стянутые в пачки шкурки зайцев и белок. Вонючих норков, колонков и соболей брезгливый кот не тронул. Зато распотрошил коробки с хрупкими длинными палочками. Разодрав куль с искристыми кристалликами, переключился на мешок с белой, маркой пылью.

Завершив погром, удовлетворенный зверь соскочил вниз и умчался в свою цитадель под прикрытием пурги, свободно разгулявшейся на открытом пространстве мари.

Жила проснулся поздно. Уже светало. Непогода стихла, но снега успело надуть до середины окошка. Поразмыслив, промысловик решил сделать передых: прежние следы замело, а новых еще нет — зверьки отлеживаются, ждут, пока снег осядет, уплотнится.

Растянувшись на шкурах, он укрылся ватным одеялом и, закурив папироску, стал с удовольствием прикидывать, сколько заработает в этом сезоне и как нынче распорядится выручкой. Уже одиннадцать лет он промышляет на этом участке и всегда с фартом: пушнины хватало и для плана, и для скупщиков еще столько же, а иной сезон и поболее оставалось.

Прежде это уголье пустовало. Все отказывались от него. Старались брать участки у реки: продукты и снаряжение до ледостава прямо на лодке можно завозить, по горам не надо таскать. На самом же деле мужики боялись близости поганого места. Както, еще до войны, пытался промышлять здесь один отчаянный, да так и сгинул бесследно.

Сойдясь с пройдохой-скупщиком, Потап быстро сообразил, что сулит левая сверхплановая пушнина, но на прежнем участке взять ее было трудно и к тому же опасно — то и дело заходят соседи, да и охотовед за сезон раза два обязательно нагрянет с проверкой. Пораскинув мозгами, он сказал сам себе: «Или пан или пропал — рискну!» — и добавил для успокоения: «Бог не выдаст — свинья не съест».

Новые охотничьи уголья в первый же сезон превзошли все ожидания. Через пять лет оборотистый делега устроил ему в городе кооперативную квартиру. Правда, и ободрал он Жилу тогда до последнего хвостика, но квартира того стоила. Потом организовал самую дорогую модель «Жигулей». А вот с подземным гаражом сперва осечка вышла, но и это дело недавно поправилось. И теперь Жила, вот уже второй год, собирался уволиться из госпромхоза и пожить, наконец, в свое удовольствие, но каждый раз надвигались все новые и новые расходы, и приходилось опять тащиться в тайгу на промысел. Да и жалко было бросать хорошо обустроенные путики. К главной охотничьей магистрали — реке — Жила давно прорубил, расчистил тропу и по ней с осени на волокуше завозил все необходимое для жизни и промысла.

В деревне про его городские дела кое-что прослышали и догадывались, откуда такие деньги. Некоторые, такие же хитрецы, стали метить на доходное место, убеждая начальство, что участки между охотниками надо чередовать — мол, план всем одинаковый, а уголья разные. Но начальство не хотело нарываться на скандал с Жилой...

Время близилось к обеду. Потап, поевживаясь, встал. Настрогал щепы. Затопил печь, продавил в ведре тоненькую корочку льда, налил в кастрюлю воды и поставил ее на плиту рядом с чайником. Расчистив площадку у двери, прокопал траншею к лабазу.

Забравшись наверх по приставной лестнице, он окаменел: пушнина — труды многих дней — была превращена в лохмотья, пересыпанные мукой, сахаром и гречкой.

«Как же так? Откуда такая напасть на мою голову?» — убито прошептал он.

Разбирая остатки пушнины, Жила немного успокоился. Самое ценное — соболя, норки, а главное, личный заказ скупщика — три выдры, были целы.

«Кто мог так напакостить? — ломал голову промысловик. — Зверю по столбам сюда не влезть. Разве что медведь, но тот спит, да и лабаз не разрушен. Неужели?» — вспотев от этой мысли, он с опаской посмотрел в сторону Белых скал.

С этого дня в Жилу вселился суеверный, почти панический страх. Из зимовья не то что на промысел, даже за дровами или водой он выходил неохотно, с трудом преодолевая гнет кошмарных сцен, разыгрываемых воспаленным воображением. Ходил по лыжне, постоянно озираясь. Всюду: и в древесных наростах, и в причудливых изгибах стволов, и в разросшихся кустах ему чудились затаившиеся оборотни. Он изводил заряды в любой подозрительный силуэт, на любое едва заметное движение, любой сомнительный звук.

Он был на грани срыва. Охотник давно подумывал о том, что, пока не поздно, надо сматываться, но упрямое желание покрыть убытки пересиливало страх. Скрепя сердце, он все откладывал выход и не напрасно — пушная копилка быстро пополнялась.

Страх же усиливался, не отпуская ни на минуту. В конце концов, доведенный до отчаяния, Жила наметил завершающие обходы, чтобы снять ловушки, рассторожить пасти. Начал с Нижнего путика.

Шел тяжело, весь словно скованный ожиданием беды. Ружье из рук не выпускал ни на секунду. Даже добычу из ловушки ухитрялся вынимать одной рукой и, как привороженный, все поглядывал на Белые скалы, уверенный, что беда нагрянет именно оттуда.

А когда налетел и завыл в дуплах ураганный ветер, он уже не сомневался в неотвратимости расплаты за покушение на покой этих мест. Черные деревья, казалось, задвигались, угрожающе скрипя, замахали ветвями-лапами. Напряженное состояние последних дней достигло предела. В этот момент одна улежавшаяся снежная глыба, сорвавшись с толстого сука, пронеслась прямо перед его носом и чуть не выбила из рук ружье. Охотник сжался от ужаса. Попятившись, прилип спиной к стволу и, широко раскрыв глаза, оцепенело уставился на... разлохмаченный шлейф дыма. Вид быстро несущихся со стороны ключа черных клубов медленно выводил Жилу из прострации. Когда до него, наконец, дошло, что может так дымить, он, позабыв обо всем, помчался к стану. На бегу пытался вспомнить, хорошо ли закрыл поддувало, убрал ли от печки смолистые щепки. Весь мокрый взлетел на гребень, откуда хорошо видно зи-

мушку и, о ужас, — на ее месте бесновался красный венец пламени.

Жила, с разрывающим нутро воем, упал на снег и забился в истерике. Он был сражен не столько видом полыхавшей зимушки (черт с ней — все равно больше не охотиться), сколько сознанием того, что вот так глупо сгорели все его труды — остерегаясь повторного налета на лабаз, он перенес пухлые связки пушнины в зимовье...

Рысь во время очередного визита к Рыжебородому обнаружила на месте его логова черный круг земли с покоренной железной печкой да обледенелую топанину следов. От нее уходила одинокая парная колея.

Боцман не ведал, какая именно беда настигла его непримиримого врага, но было очевидно, что он лишился убежища и покинул это место. Теперь коту не давал покоя вопрос: «Куда перебрался Рыжебородый? Может, он обосновался где-то поблизости?» И он отправился по следу.

Колея тянулась по широко прорубленной тропе вдоль подножья отрогов почти прямо, не углубляясь в распадки. На второй день пути Боцман перевалил по затяжному тягуну на противоположный склон Главного хребта. Здесь тропа Рыжебородого слилась с тропами других промысловиков и дальше змеилась хорошо накатанной лыжами и нартами дорогой по берегу торосистой, изъеденной промоинами реки, то приближаясь, то удаляясь от нее.

Эти места Боцману были знакомы: если совершить вниз по течению еще один переход, то можно

выйти прямо к поселению двуногих, в котором живет добрый Крючконос. Сомнений не оставалось — враг покинул окрестности Белых скал.

И в самом деле, ни весной, ни летом никто не нарушал покоя и великолепия здешних мест. Боцман вольно жил в царстве скал, ощущая себя самой важной частью этого светлого, прекрасного мира. Иногда он проходил по главной тропе Рыжебородого и с удовольствием отмечал, что она потихоньку зарастает и освежается лишь оленьими да медвежьими следами.

Как-то в один из душных июльских дней кот блаженно дремал на обдуваемой ветерком вершине останца и не видел, что разбросанные по горизонту мрачные тучи сошлись в обнимку, незаметно пожирая небесную синь. По мере приближения к Белым скалам они проседали от зреющей в них грозной силы все ниже и ниже.

Кот, наконец, почувствовал перемену в погоде и, поскольку мокнуть не хотел, припустил к пещере. Но налетевшая тугим шквалом гроза все же догнала и накрыла его водяной завесой. Слепящий излом молнии с оглушительным треском вонзился в каменный шпиль совсем рядом. Перепуганный кот сиганул вниз. Прямо перед ним в угловатый валун ударил еще более мощный разряд. Вскоре молнии, скрециваясь, забили со всех сторон почти беспрестанно. От их грохота казалось, что скалы заходили ходуном.

Кот, вздрагивая от каждого удара и почти оглохнув от раскатистых разрядов, судорожно заметался по залитым потоками воды глыбам. Поскользнувшись, угодил в узкий разлом, а когда выбрался из

него, вспышка нестерпимо белого света ослепила, и он провалился в черноту...

Очнувшись, Бецман открыл глаза, но непроницаемый мрак не рассеялся, хотя кот явственно ощущал на себе ласковые лучи солнца. «Как же так? Солнце светит, а вокруг такая тьма, какой и ночью не бывает?» Он поднялся и попытался идти, но тут же ткнулся носом во что-то твердое. Недоуменно пошарив лапой, обнаружил впереди себя каменную стену. Попробовал обойти ее, но куда бы он ни пошел, упирался в камни. Бедняжка остановился в растерянности. Такого с ним еще не бывало. Наконец, он понял, что во время грозы с его глазами что-то произошло и теперь он мог надеяться лишь на свои слух и нос.

Сидя на шершавой плите, он никак не мог взять в толк, в каком месте Белых скал находится. Вслушиваясь в доносящиеся звуки, уловил внизу гул ожившего после ливня ручья, невдалеке перешептывались густые гривы кедра. Таких ориентиров в Белых скалах хоть отбавляй. И тут до его ушей донесся металлический перезвон. Это раскачивались ветром железки у покинутого людьми логова.

Теперь Бецман сориентировался, где он, и осторожно «осматривая» лапой путь, выбрался на тропу, по которой ходил сотни раз. Здесь он помнил каждый кустик, каждый поворот, каждую валежину. Убедившись, что память не подводит и вовремя предупреждает о преградах, кот несколько приободрился и зашагал быстрее.

Напившись из ручья, лег в траву. Лежал долго, надеясь, что скоро зрение вернется. Отрывистые картины всплывали из памяти и мелькали перед его мыс-

ленным взором одна за другой. Безжалостная судьба не щадила его с первых дней появления на свет. Зубами и когтями выбирался он из любых переделок и наперекор всему продолжал крепко стоять на ногах. Жизнь, а точнее, люди редко давали ему передышку. Вновь и вновь они безжалостно прогоняли его сквозь череду непрерывных испытаний, но он, все более закаляясь, неизменно выходил победителем. И вот сейчас, когда в его тяжелой судьбе все образовалось наилучшим образом, — такой жестокий удар! Он несколько раз открывал и закрывал глаза, надеясь, что все будет как раньше, но тьма не отступала. Как жить незрячему? Как охотиться? Даже мыши, и те — недоступная теперь добыча.

Рядом возобновили разноголосую переключку железки: «Тринь-тринь-дзинь». Этот мелодичный звон неожиданно породил дикую, сумасшедшую идею: Крючконос! Добрый Крючконос! Он вернул ему жизнь много лет назад. Он не поднял на него громом разящую палку в тайге! И он, наверняка, сумеет выручить его и сейчас.

Эта отчаянная надежда взбодрила кота. После непродолжительных сомнений он решительно встал и, отыскав на ощупь тропку, тянущуюся к заброшенным владениям Рыжебородого, отправился в трудный путь.

По зеленому покрову топкой мари Боцман брел медленно, с особой предусмотрительностью: знал, что по обе стороны тропы разбросаны коварные зыбуны. Несмотря на чуткий шаг, зверь часто спотыкался, поскользывался. К вечеру кот добрался до подножья гор и перешел на тропу Рыжебородого.

Пасшиися в устье распадка олени, увидев рысь, встрепенулись, но она, к их изумлению, почему-то прошла мимо, не задерживаясь. Недоверчивая оленуха еще долго с тревогой поглядывала ему вслед, но коту было не до них. Он был целиком подчинен стремлению добраться до Крючконоса и вернуться с его помощью из мира тьмы в мир света.

Шел Боцман долго. Путь, который прежде преодолевал за двое суток, затянулся. Тем более что, не имея возможности подкрепляться, он быстро уставал и часто останавливался для отдыха.

То и дело устремляя невидящий взор в сторону селения и постоянно принохиваясь, прислушиваясь, кот, наконец, подошел к месту, где тропа круто спускалась к речному перекату. Похрустывая галькой, он перешел речку и взобрался на береговой взлобок. Теперь надо пройти по выпасу с обкусанными кустами до одинокой, широко разросшейся на приволье, белоногой березы. Все верно, вот и она — шелестит нежной листвой. Боцман вздохнул с облегчением — отсюда уже совсем близко до логова Крючконоса.

Войдя в деревню, кот слышал, как из дворов выбегают собаки, но он неустрашимо продвигался вперед, гордо вскинув голову, обрамленную седыми бакенбардами. Громадная рысь шествовала в окружении лаек с таким видом, словно совершала обход своих владений. Справа, страшась собственной смелости, залиvisto твякая, вынеслась кривоногая дворняжка. Остальные собаки шли сзади молча, понимая, что тут чего-то не так, и не время сотрясать воздух пустой брехней.

Раздались изумленные возгласы двуногих, испуганные крики. Кот напряженно вслушивался в них в надежде выделить голос Крючконоса. Вот и знакомый бухающий лай соседского кобеля, сидящего на цепи.

Боцман не видел, как распахнулось окно в доме его давнего недруга, как Рыжебородый вскинул ружье и поймал в узкую прорезь прицела убойное место, как прокуренный указательный палец правой руки привычно лег на спусковой крючок. Легкий нажим... но вместо выстрела раздался сухой металлический щелчок. Боцман насторожился, но вместо того чтобы рвануть прочь, замер. Рыжебородый успел повторно взвести курок и нажать спусковой крючок...

с. Салихово, Башкирия

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

12+

Литературно-художественное издание

Зиганшин Камиль Фарухшинович
БОЦМАН ИЛИ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ РЫСИ

Повесть

Отзывы и замечания направлять
на e-mail автора: ziganshin_kamil@mail.ru
или его сайт: www.ziganshin.ru

Художник Ольга Шефер

Технический редактор *О. Андреева*
Корректор *А. Сергеева*

Подписано к печати 14.12.2018. Формат издания 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,25. Тираж 1000 экз.

ООО «Престиж Бук». Генеральный директор А.С. Артеян.
111141, Москва, 1-й проезд Перова Поля, д. 11 а. E-mail: artut57@mail.ru.

Отпечатано с предоставленных файлов
в АО «Первая образцовая типография», филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14